

18+

АЛЕКС ВИКБЕРГ

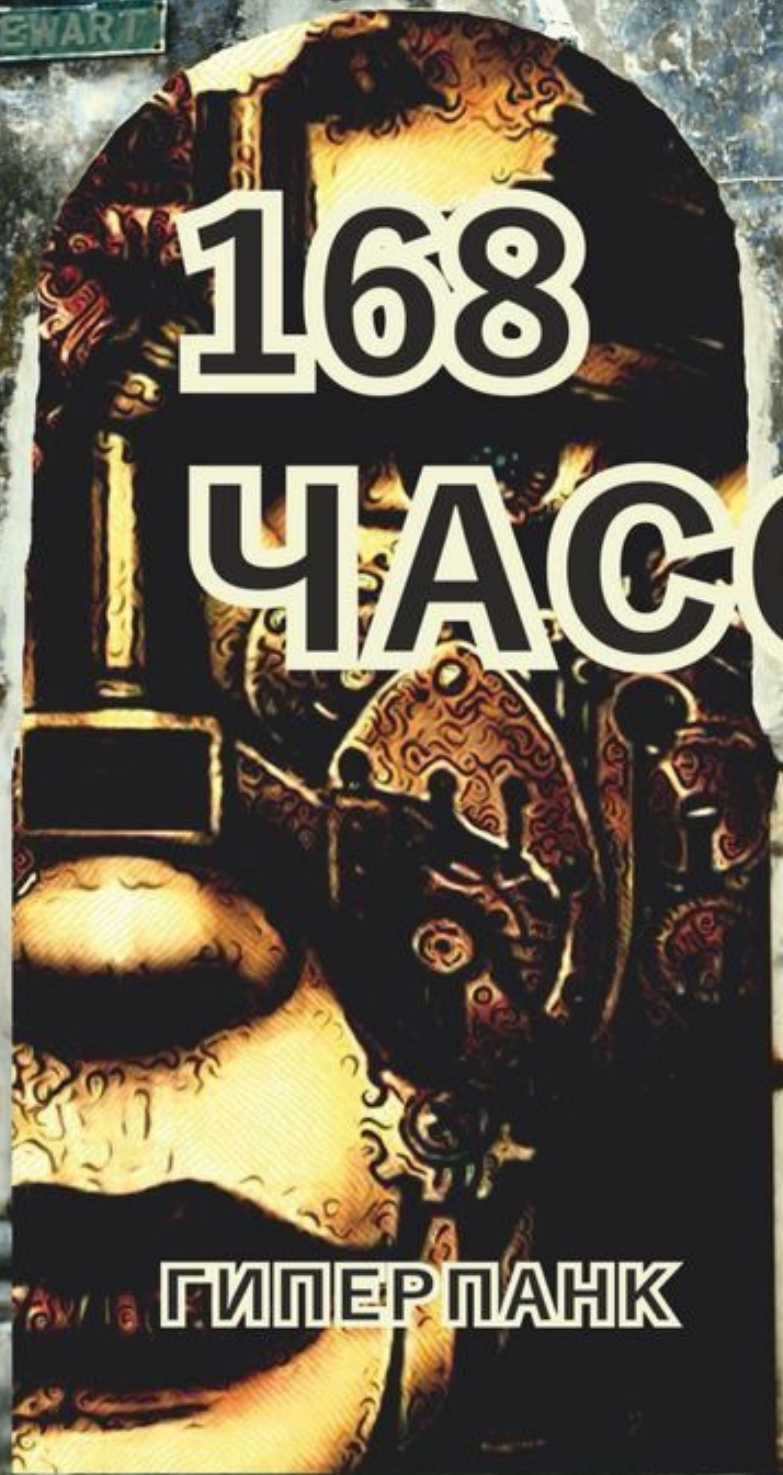
168

ЧАСОВ

ГИПЕРПАНК

ONG-STEWART

FLORIAN

Алекс Викберг

168 часов. Гиперпанк

«Издательские решения»

Викберг А.

168 часов. Гиперпанк / А. Викберг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532346-0

Знакомство с обер-камергером Штюрмом вынудило Ленара оставить своё поместье ради спасения империи. Опасные приключения надломили импресарио. Чтобы отдохнуть от космических баталий, он отправляется в недельный вояж на Землю, но неожиданно оказывается втянутым в заговор боевой организации эсеров, готовящих покушение на императора России. Спонтанное желание отвлечься от межпланетных интриг превращается в отчаянную борьбу за возможность вернуться домой.

ISBN 978-5-00-532346-0

© Викберг А.
© Издательские решения

Содержание

Часть I Убийство мецената	6
Глава 1 Падший ангел	6
Глава 2 Роковой звонок	13
Глава 3 Трудные переговоры	20
Глава 4 Дискуссия в облаках	26
Глава 5 Катастрофа Левоневского	31
Глава 6 Побег из Москвы	38
Часть II Власть нитроглицерина!	45
Глава 7 Хромоногий беглец	45
Глава 8 Синематограф «Иллюзион»	53
Конец ознакомительного фрагмента.	55

168 часов Гиперпанк

Алекс Викберг

© Алекс Викберг, 2021

ISBN 978-5-0053-2346-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть I Убийство мецената

Если смотреть на жизнь сквозь замочную скважину истин, то можно стать мерзавцем с золотым ключиком.

Глава 1 Падший ангел

Горячий сухой ветер раскачивал ковыль, одна из травинок неприятно щекотала лоб. У Ленара ныл каждый атом тела, даже кончики волос начали кричать о ненависти к безумной метрополии. Он повернул голову: «Сколько прошло времени с тех пор, как я сделал последний вздох, перед тем как прыгнуть в пропасть, перед тем как начать ползти? Кстати, где я нахожусь? И почему так нестерпимо печёт солнце? Хорошо, я не могу передвинуть своё израненное тело вперёд на несколько сантиметров, тогда назло судьбе вытяну руку. Это будет мой самый настоящий ответ Холодному Космосу на очередную попытку отнять у меня право распоряжаться собственной судьбой».

***

Неудачно как-то всё получилось с этим Морозовым. Ну кто мог предположить, что невинная просьба сделает кровавую драму. Маэстро уже забыл, когда в последний раз посещал людей. Теперь с ужасом понял, что самолично придумал себе коридор внутри плацкарта. Вокруг, совсем рядом находились потные организмы, которых не хотелось видеть ни разу и никогда. Ужас Космоса! Невозможно угадать, что они себе вообразят от совершенно безобидных слов. Слепое поклонение вытверженным ритуалам делало любой разговор опасным приключением. Безнадёжная задача – выучить все приёмы, оттого что их такое же множество, как и мест, откуда приехали их предки в городские кварталы.

Вообще, идея отправиться на Землю без денег ревели, словно упрямый осёл в густом тумане. Нет, спонтанный поступок не был пошлым желанием сверхчеловека ощутить свою исключительность в мире смертных, нет! Внутренняя опустошённость заставила покинуть возлюбленные мангровые болота для путешествия. Ленар захотел самостоятельно без помощи империи добраться из точки А в Версаль, оттого что дом перестал быть крепостью после бесцеремонного вторжения обер-камергера. Требовалось совершить что-то экстраординарное, чтобы снова поверить в мексиканские кактусы вдоль бронебойных стёкол. Как можно спокойно поливать нежные колючки, когда знаешь, что высокородный граф может без церемоний отправить к бывшей жене или вовсе выкинуть в холодный космос? Ленар захотел изменить вектор, чтобы не обстоятельства делали указатели, а он сам открывал нужную дверь. Здесь мог помочь опыт землян с их невероятной беспечностью. Эти хрупкие создания умудрялись радоваться жизни, зная, что в любой момент могут умереть от совсем безобидных вещей, какой-нибудь травмы или скоротечного гриппа.

Когда после марсианских приключений маэстро вернулся в поместье и увидел в окне беззвучный полёт стерхов, то внезапно ощутил ноющий холод в душе. «Всё, – решил про себя, – надо идти к людям!» И чтобы не размазаться в клюкву, попросил Семёна забрать его из Парижа ровно через неделю, через 168 часов, точно в срок, ни секундой раньше, ни минутой позже.

Можно спросить, почему он выбрал именно Армавир? Ткнул, отвернувшись, пальцем в крутящийся глобус. Такие пироги-ковриги. Объяснять что-либо никому не стал. Взгляд

дышал максимальной ненавистью ко всем сразу и к каждому в отдельности, за неимением всех к Семёну персонально.

Когда после приземления в хрустящую степную траву, маэстро увидел над горизонтом полоску рассвета, то обрадовался доброй звезде. Семён, как опытный дальнобойщик, поинтересовался: «Кеб, земные графы взял?» На что получил исчерпывающий ответ в виде удара ладонью по обшивке. От боли в запястье стало совсем всё обидно, тогда Ленар нашёл бульжник и запустил внутрь корабля. Испугавшись, что мог угодить в пульт управления, качественно выругался. Семён с каменным лицом захлопнул люк, мгновенно отделив мир арнов от примитивной цивилизации землян. Корабль, обернувшись в мерцающую плазму, исчез в лучах начавшейся зари.

Общеизвестный факт, что арны умирают исключительно от несчастных случаев. Но не каждый знает, откуда они берутся, эти самые случаи. После пятидесяти лет беспечной жизни души бессмертных охватывает неистребимая тоска, от которой невозможно укрыться ни в каменных городах с новейшими изобретениями, ни в просторах космоса. Разве можно бежать от самого себя? Многие от скуки начинают играть на «Магнето». Особой машины, внушающей землянам дальнейшую жизнь. Чтобы развлекаться подобным образом, Ленару не хватало усидчивости, к тому же он ничего не мог поделывать с наследственной сентиментальностью. В общем, никудышный из него получался штурман человеческих судеб. Ленар считал ненужным отнимать у людей возможность совершать глупые, а иногда и беспощадные поступки. Хотя вполне может статься, что и он занимался совсем никчёмным делом, организовывая концерты для уставших от развлечений бездельников.

Внимательно осмотрев бескрайнюю степь, маэстро пришёл к выводу, что необходимо раздобыть транспорт. Действительно, ну не пешком же двигать изнеженное тело импресарио в Париж, коль поставил себе такую цель. Хоть что-то должно быть в жизни неизменным, к примеру, дорога. Странно звучит, не правда ли. Разве может быть неизменной дорога?

«Иногда маленькие победы заставляют поверить в большую мечту, – сверкнул пошлятиной и тут же исправился Ленар: – Стоп, о чём это я? Какая такая мечта? Добраться до Парижа? Так, и где искать этот звезданутый транспорт?» – в раздражении ткнул вопросом в сухой ветер Кубани. Не услышав внятного ответа, маэстро на приличной скорости отправился к выползающему с востока золотистому диску.

Из-за холмов на горизонте раздался длинный гудок паровоза. Далеко оказалось действительно далеко. Через пару километров бодрого шага по грунтовой дороге среди пепельно-жёлтых холмов, Ленар начал понимать грандиозность поставленной задачи, просто космический масштаб вселенской пустоты, угнездившейся в организме после имперских баталий. Жалеть себя начал почти сразу. Вот что делает обыкновенная физкультура с расстроенной личностью: начинает отвлекать от душевных переживаний на вполне обычные вещи, например, усталость от утреннего моциона.

«Что-то всё скрипеть начало с непривычки», – констатировал маэстро с неудовольствием. Когда летел в неизвестность то даже не подумал, как связаться с помещьем, если внезапно топор ударит в печень или другие плюшки обрадуют организм. Впрочем, будь такая возможность, то уже сейчас бы летел на родные болота. Особенного страха перед новыми испытаниями не было, да и какой мог быть страх, когда всё это уже происходило сотни раз в той или иной форме: нервный срыв, дорога, обязательное раскаяние, ремонт повреждений, счастье жизни. Только счастье ли? С каждым новым взбрыком впечатления теряли остроту. Нужно точить гвозди, но для чего? В конечном счёте здоровое чувство самосохранения шепчет в ухо горячим воздухом, что мол хватит, и так вся шкура в сетку. И так до следующего психоза.

Но только не в этот раз, нет, не в этот. Тело, которое до сих пор исправно служило, благодаря удобствам цивилизации, внезапно дало сбой. Вот что значит оказаться не в своём времени. Обыкновенная пешая прогулка превратилась в невероятную пытку. И здесь так часто

выручавший цинизм оказался бесполезным. Наоборот, именно он начал предлагать совсем вредные вещи. Например, «Нечего скулить, ляг и сдохни достойно». «Ага, сто тысяч раз! Разбежался!», – процедил Ленар, с трудом передвигая вялые ноги по спёкшемуся от жары суглинку.

***

Ридикюль из плотной тафты, шитой серебряной нитью, с грохотом упал на пол, когда изящная барышня, по виду актриса, принялась расстёгивать жакет из английской ткани. В просторном кабинете с монументальным дубовым столом и коваными решётками на стрельчатых окнах витал особенный запах больших денег, от которого легко кружилась голова у непривычного к подобным амброзиям человека.

– Морозов, у тебя невозможно дышать! Ты когда-нибудь проветриваешь? – упрекнула барышня, которая и в самом деле находилась на гастролях в Армавире.

– Незачем. Хочешь, чтобы меня ограбили? – ответил господин средних лет в костюме из заграничной ткани. Такие себе заказывают мещане, внезапно получившие богатство, или их наследники, за неимением собственного вкуса доверившие гардероб модным портным. Причёска указывала на человека делового, но никак не на прожигателя жизни. Рассиживаться в парикмахерских у него не хватало времени, оттого делал стрижку без выкрутасов, тоже относилось и к чахлой бородке, которую проще было сбрить насовсем, чем держать в подобном виде.

– Ограбили? Что брать-то, коль театр в убытке весь месяц.

– Душа моя, твои спектакли мне погоды не делают, одни слёзы. Управляющий с фабрики только что приходил, надобно смотреть отчёт. – Он принял одежду и положил вместе с ридикюлем на стол так, как это делают люди, приученные с уважением относиться к дорогим вещам. Несмотря на бережное обращение, раздался новый стук.

– Да что у тебя там такое?

– Любопытный. Всё-то тебе надо знать! Дамские штучки.

– Мне интересно, – позабыв университетское образование, внук бывшего крепостного без церемоний полез в ридикюль. – Ого, а это зачем? – в руках мецената оказался дамский браунинг с изящной гравировкой и щёчками из слоновой кости.

– Не твоё дело! – Серафима попыталась отнять, но безрезультатно.

– Нет, так не пойдёт. Объяснись. Невозможно актрисе носить с собой такие штуки. Ты что террористка?

– Морозов, у тебя паранойя. Забыл, что подарил авто? Так вот, для обороны ношу.

– Я запрещаю с этим ходить. Наверняка у революционеров взяла. Скорее себя пристрелишь, чем разбойников, – заявил Савва и по-хозяйски отправил оружие в ящик письменного стола. – Поменьше по собраниям будешь ездить. И мне спокойнее.

– Подожди, так я что, вечно к тебе пришитая должна быть. Я актриса, мне публика нужна, а с тобой скучно.

– Однако это не мешает брать деньги на развлечения.

– Ах так! Ещё и попрекаешь! Тогда зачем даёшь? У меня разве есть выбор? Теперь эти дурацкие гастроли. Всё твоя ревность. Чем тебе не угодил Максим? Вполне милый человек.

– Так ты с ним спишь? А мне неприятно!

– И что с того? Полная глупость. Это самое малое, что я могу для него сделать.

– Послушай, Серафима, всему есть предел. Ты что хочешь? Выражайся яснее.

– Да уж куда яснее. У Пешкова идея есть, он рабочим мечтает помочь. «Пусть сильнее грянет буря!», а ты эксплуататор.

– Твой любимый Чехов его «Песню» обозвал набором трескучих фраз. Не понимаю, что ты в этом хлыще нашла? Данко из купеческой лавки? Шёл бы в театр, там ему и место, однако ж нет, в бунтовщики записался. Сам работать не хочет и других подбивает. Мне надоело выкупать его из полиции, довольно! И на «Искру» больше не проси. Ты только вспомни, какую бойню в Москве устроили! Не желаю оплачивать этот безобразия.

– Слушай, Морозов, с тобой очень трудно. Тебе не говорили?

– Много раз и неоднократно, однако ж, вот я здесь, а она вон там за дверью с протянутой рукой.

– Гадость придумал. Этак и про меня можно сказать.

– А что нет? Чем ты лучше? Вон и браунинг себе завела. Ещё неизвестно для чего.

– Ах так! Ну, и сиди тогда здесь один, как биндюжник. Очень даже что и похож, только в костюме.

Обиженная хамским обращением Серафима выскочила, хлопнув дверью. Через минуту со двора послышался звук локомотива, оставившего после себя гневное облачко пара. Фабрикант с тяжёлым вздохом пододвинул арифмометр Однера, раскрыл амбарную книгу и углубился в баланс, проворачивая время от времени с металлическим хрустом ручку для суммирования латунных цифр.

***

Солнце уже приготовилось отметить на небе середину, когда раздалось шипение паромобиля, сбросившего под колёса избыток давления через защитный клапан. От деревьев вылетел, бодро подскочив на рессорах, новенький экипаж «Лесснера» с американским откидным верхом. Маэстро побежал навстречу, отчаянно размахивая руками, словно фанат Йоганна Штрауса. Когда водитель в перевёрнутой кепке снял очки-консервы, под ними обнаружили лучистые светло-карие глаза. Такие бывают у очень особенных барышень, но тогда отчаявшийся путник и не думал за это беспокоиться, устав от ходьбы в густом от жаркого солнца воздухе.

– Подвезёте? Ещё сотня шагов по здешним пустыням, и я разделю судьбу бедного Йорика¹. Минутку, – маэстро протёр рукой воображаемое стекло, – невероятно! Господь услышал мольбы датского принца, – он пристально взгляделся в лицо спасительницы – и послал совершенство!

Барышня, подняв брови, растерянно улыбнулась:

– Иностранец? Вы из какой страны?

«Холодный Космос, везде за граница, опять вселенское непонимание! Фонарики-фонарики, совсем забыл, где нахожусь, – нахмурился Ленар. – Так, надобно быстро, просто мгновенно вспомнить настоящий русский язык. В памяти совершеннейшая Аляска. Английский тоже не знаю, они, кажется, мяукают. А русские что – рычат сурово?»

Оставался один единственно доступный способ – это животный магнетизм. Маэстро снял платиновый перстень с чёрным алмазом и подкинул в воздух. Украшение исчезло, мгновение, достал из воротника. Барышня вопросительно посмотрела.

– Работаете в цирке?

Не понимая, о чём спрашивает барышня, Ленар молча вложил перстень в её кулачок. Несколько пассов рукой, снова обнаружил украшение. Наконец девушка поддалась гипнозу. Сжав тонкий мизинец, произнёс ровным голосом, впечатывая якорь установки в подсознание:

---

¹ Йорик – персонаж пьесы Шекспира «Гамлет», королевский шут, череп которого был вырыт могильщиком во время прогулки принца Гамлета.

– Вы меня понимаете. Вы меня хорошо понимаете. Вы прекрасно говорите на интеркоме. Это ваш родной язык. Вы бегло на нём говорите. Сейчас я досчитаю до трёх, и вы очнётесь. Раз, два, три! – хлопнул в ладони.

Барышня, мгновенно позабыв о представлении, как ни в чём не бывало повторила на межпланетном языке:

– Работаете в цирке?

– Это почему?

– У вас одежда необычная.

На маэстро был тонкий сюртук из углеродных нанотрубок с магнитными застёжками, трикотажный джемпер, полуспортивные штаны, оранжевые оксфорд-броги из кожи венерианской лягушки. Костюм венчала фуражка с платиновой кокардой в виде космической яхты. Когда пылил, чё-то не подумал за одежду и полетел в домашнем.

– Позвольте представиться: Ленар Тринадцатый! – маэстро шутиливо козырнул двумя пальцами, изображая польского лётчика.

– И имя странное. Как вы сюда попали, господин Ленар? Здесь в таком виде не ходят.

– Мадмуазель, не поверите, ждал вас. Действительность превзошла все самые смелые фантазии. Просто небо кареглазое в блёстках. Секунду, дайте отдышаться, боюсь поверить в звезду.

– Меня зовут Серафима, можно просто Фима.

– Ничего себе просто! Встреча с ангелом, доложу я вам, это всегда событие. Видите, что со мной делается – ноги подкашиваются. Вы такая прогрессивная. Как удалось обуздать железного монстра хрупкой барышне? – маэстро постучал по кузову локомотива, сверкающего множеством никелированных деталей, вовсе не понимая, как этот шедевр технической мысли умудряется ещё и ездить.

– Ой, придумаете тоже. Чуть-чуть теории, а много, много практики. – Фима вдавила педаль клапана в пол, и машина, высвободив накопившееся давление, сделала резкий старт, от которого пассажир чуть не перелетел назад. – И всё же, куда направляется господин Ленар? – крепко вцепившись в руль, продолжала допытываться спортсменка.

– Тут такая катавасия. Отстал от своих, знаете ли. Вспылел, наговорил коллегам гадостей и ушёл в ночь, в пустоту. Как результат: «Выхожу один я на дорогу». Вдруг в клубах белого тумана, вы только представьте себе, летит «видение и гений чистой красоты». Судьба опять бросила трап непутёвому сыну.

Ленар по опыту знал, что для достоверности врать надо непременно на основании фактов. Ведь и взаправду вспылел, и ушёл в ночь, точнее, в предрассветную мглу.

– Занятный рассказ. Надо будет непременно что-нибудь с вами сделать.

– Сделайте, пожалуйста, только с одним-единственным условием – сердце не трогайте, это всё, что у меня осталось от прежней жизни. Серафима, при ваших достоинствах легко разбить его на мельчайшие осколки. А муж разрешает подвозить импозантных незнакомцев?

– Вы ещё и хитрец! – кокетливо ответила Фима, сверкнув очками в лучах солнца. Ей польстило, с каким изяществом незнакомец придумал узнать её свободу.

– Только чуть-чуть, ну самую малость. Ваше ангельское бескорыстье пронзило всё моё существо насквозь целых два раза.

– А когда второй?

– Эх, так и быть, сознаюсь. Чего уж скрывать очевидный факт. Вы спасли человека, истерзанного капризной Фортуной.

– Ну мы ещё не доехали. Могут вернуть в заботливые руки, – подхватила игру молодая женщина.

– Фимочка, можно я буду вас так называть? – Ленар заговорщически подмигнул. – Этого нельзя делать ни в коем случае. Нельзя брать на себя абсолютное злодейство, от этого женская карма может растерять все свои прелести.

– Мне надо купить газолин в аптеке, – без всякой связи сообщила Фима.

Сейчас её заботили совсем особенные мысли. Может быть, в другой раз она и не обратила бы внимания на странного незнакомца, бредущего в пыли далеко за городом. Даже скорее всего, что и наверняка проехала мимо, но сегодня, после собрания боевой группы, ей требовалась свежая идея. Пришлось выслушать довольно неприятные вещи. Актрису обвинили в преступном бездействии, более того, в саботаже. Назвали аморальным товарищем, неспособным исполнить решение боевой организации. Всё это звучало крайне обидно, но самое главное, времени оставили до утра. А она не смогла признаться, что по глупости лишилась оружия. Срочно нужно изобрести приём, чтобы вернуть браунинг.

– Это что за зверь такой? Двести лет живу и ни разу не слышал. Аптека и газолин – просто фантастика!

– Ой, какой вы древний.

– Знаете, я привык. Но из ваших уст это звучит, так волнительно, так интригующе. Начинаю чувствовать себя Ланселотом или нет, Петраркой у балкона златокудрой Лауры.

– Господи, вот что значит неисправимый мечтатель!

«Может быть, и взаправду получится использовать незнакомца, – подумала Серафима. – В конце концов, кто он такой? Так, случайный человек, а может, послужить общему делу. Морозов обязательно начнёт хвастаться, поведёт знакомить с труппой, а я тем временем без помех проникну в кабинет».

– Что есть, то есть, не буду отрицать. Но заметьте, она стала его музой.

– Кто?

– Лаура.

– Послушайте, одиннадцать детей – это слишком.

– Так и не надо. Я говорю о платонической любви.

– А как же сонеты?

– Плевать. Лишь бы мчаться рядом с вами в Армавир.

– Что вы там забыли?

– Театр – мой дом. Пойду просить займы на билет в Париж.

«Отлично, теперь я знаю, как использовать бедолагу, – обрадовалась актриса. – Денег ему точно никто не даст: труппа в долгах второй месяц. Чёртовы трагедии сборов не дают, а водевили этот сундук в огурцах вычеркнул из репертуара. Видите ли, атаман просил не портить казаков. А актёрам на что жить? Плохо играем! Здесь как не играй, пока ножку не покажешь со смехом и песенкой, никто в карман за рублём не полезет. Зачем им „Макбет“, водевиль подавай, на крайний случай оперетту, тогда кассу снесут от счастья».

Путешествие началось для Ленара, можно сказать, что совсем удачно. Он встретил незнакомку, способную увести, так сказать, от панических мыслей о несвободе мексиканских кактусов. Маэстро давно привык отдаваться течению жизни без героических прыжков в сторону. Может быть, именно поэтому оказался вовлечён в дворцовые интриги. Судьба выбрала простого импресарио для своих игр. Не имей он в знакомых будущего президента корпорации, так и остался бы на мангровых болотах кормить мошкарку и слушать тапиров. Однако, невинное увлечение танцами, шаг в сторону от профессии, переменили жизнь настолько, что теперь непонятно было, куда бежать от опасных знакомств. Ему требовалось время, чтобы привыкнуть к новым перспектам. Выстроенная раз и навсегда жизнь, приобрела особенный оттенок: с железным привкусом крови и дрожью в голосе от скачков адреналина.

Маэстро понимал, что после космических приключений, он уже никогда не сможет наслаждаться старым порядком. Привычный ритм поблэк, стал никчёмным, в то же время полити-

ческие интриги со взрывами и смертями ему совсем не нравились. Впервые удалось провести фестиваль межпланетного уровня, и на тебе, получите обер-камергера в садовую беседку. Странная плата за совсем невинное занятие. Плевать на Марс, пусть шуршит песками как хочет, но здесь, на Земле, находилось его поместье, а это уже не шутки!

Хорошо, когда молодой человек испытывает себя на прочность, меняя профессии. Но что делать, когда вполне самостоятельный мужчина начинает поприще в зрелом возрасте? А если уже разменял два столетия и сложил детальные маршруты на ближайшие пятьсот лет? Что тогда? Вот и не выдержал мозг Ленара азартных прыжков через забор с железными пиками. Придумал отчаянный план, как вернуть песню в блокнот. Решил отправиться в мир смертных, проживающих свою жизнь, как последний вздох. Вдруг там обнаружится лекарство от имперских дредноутов? Надежда слабая, но ничего другого в голову на тот момент не пришло. Да и когда было думать, только вскочил и вот уже в степи под Армавиром.

Глава 2 Роковой звонок

Под электрической вывеской «Савва и К» красовалась игривая сестра милосердия, рисующая кисточкой «Купи горючий газолин, господин!» по флагу в руках щекастых ангелов. Здесь Серафима, действительно, приобрела несколько литров пахучей жидкости в оцинкованной фляге с затычкой из пробкового дерева.

Флиртовал маэстро с новой знакомой по привычке, без настоящего интереса. Сейчас он озадачился другой идеей – нужда в деньгах ела карманы. На прямоугольной площади, выложенной булыжником, красовалось здание из кирпича с чугунными галереями вдоль стен, похожее на бордель с пожелтевших фотографий. В таких падшие женщины превращали гимназистов в мужчин, а господ чиновников приучали к долгам. Рядом с парадным входом висела афиша с рекламой трагедии Шекспира. На большом полотне Макдуф потрясал окровавленной головой Макбета с вытаращенными глазами, из которой торчал эпично-фиолетовый язык. Вспомнив мемуары того времени, Ленар сделал вывод, что современники любили драматическое искусство, на всякий случай поинтересовался:

– Очаг культуры?

– Театр! – с гордостью ответила Фима, освобождаясь от очков.

– Позвольте, не догадался сразу, имеете отношение?

– Непосредственное – служу. Он принадлежит моему близкому другу.

– Удачно я забежал в буфет. Тогда для чего актёры? Будет верхом неприличия занимать у товарищей, имея такие шикарные пароходы! Идёмте сразу в кабинет Карабаса-Барабаса, пardon, к вашему другу.

– Только не записывайте меня в Мальвины, ради бога! – пошутила актриса, довольная, что не пришлось тратить время на знакомство с издержавшимися коллегами.

– Отчего же, очень даже что и подходите. Но в отличие от неё, полны энергии и намного прекраснее.

– Всё-таки вы несносны! Чувствуется, ещё пожалею, что занялась благотворительностью.

– И опять вы правы, не буду скрывать, я вселенское бедствие, по крайней мере, в системе Солнца, но рядом с вами у меня есть шанс исправиться.

– Надо говорить в Солнечной системе.

– Суть не меняется, звезда Солнце по-прежнему в центре событий, но она не может спорить с вашей красотой по определению.

У дверей кабинета маэстро спросил:

– Представите?

Согласно кивнув, Фима постучала и, не дожидаясь ответа, вошла, обнаружив зачатки светского воспитания. Впрочем, другого и не стоило ожидать от дамы с оцинкованной флягой в багажнике ярко-красного «Лесснера».

– Кто там? – недовольно крикнул из-за стола полный господин в жилете с золотыми огурцами, и стрижкой под горшок.

– Извини, Савва, утром всплыла, но всё в прошлом. Вот привезла коллегу, попавшего в беду. Познакомься – маэстро Ленар Тринадцатый.

Начав играть в покорность, Фима твёрдо решила отомстить Морозову. Ей порядком надоели хамские выходки мецената. Ну и что, что получил хорошее образование и неглуп, разве всё это может заменить происхождение? Да будь он хоть тысячу пядей во лбу, что с того, раз не может отказаться от вздорных привычек. Например, крестьянской скупости, доходившей до крайности. Плебейские манеры для подобного сорта людей, что вторая кожа.

«И хорошо, что организация направила именно меня для экса², – подумала Серафима. – Очень даже хорошо! Конечно, я тоже не из высшего сословия, но, по крайней мере, потомственная мещанка». Серафима твёрдо знала, что социальную пропасть нельзя перепрыгнуть, её можно только забросать трупами врагов для дороги в светлое будущее. А как иначе? В этом актриса навсегда уверилась, став любовницей фабриканта.

Маэстро пришлось мгновенно сочинить маршрут для диалога, ведь Серафима ещё не знала, что овладела межпланетным языком арнов:

– Фимочка поработайте толмачом. Мне требуется время, чтобы освоиться.

– Толмачом?

– Ну да. Послушайте, ваш знакомый абсолютный младенец в лингвистике. Невероятно, но факт.

Меценат, отложив очки в золотой оправе, принял извинение любовницы с утомлённым лицом великодушного кредитора:

– Пустое, сам был не в духе. – Когда актриса произвела намеренно шумный выдох, указывающий на страдания раненной души, поинтересовался: – Не знал, что владеешь иностранным. Это какой? Ничего подобного до сих пор не слышал.

– Морозов, невероятно, но я его понимаю.

– Итак, Фима, начинайте уже говорить туда-обратно! – подбодрил маэстро актрису, смущённую открывшимся талантом. – Позвольте представиться, Ленар, импресарио театрального агентства. В результате недоразумения и скверного характера оказался в пустынных землях без средств к передвижению и вовсе без всяких средств. Выручайте коллегу. Готов быть полезным в меру сил и воспитания. Согласен на любую должность не ниже директора. – Он повернулся в профиль, чтобы показать высокую черту лба, которой очень гордился.

Меценат, слегка опешив от щедрого предложения, тщательно осмотрел нахального гостя и после солидной паузы вынес вердикт:

– Сразу видно человека с амбициями. Давайте так, – он перебрал пальцами в раздумье, – я доверюсь Серафиме: у неё верный глаз. Устраивайтесь в гостинице. Затем, милости прошу на беседу. Подробно расскажите свои таланты. – Второй скандал Савве был без нужды, и ото-слав соискателя, он хотел подробно выпросить, где любовница сыскала необычного импресарио.

Уже собравшись идти, Ленар заметил на стене цветной плакат с рекламой экзотического устройства, и начал подозревать, что оказался совсем не на той Земле, где цветёт садами Армавир и грассирует шансоном Париж. Требовался звонок на родину, чтобы прояснить географию. Конечно, телефонистка мгновенно донесёт в ЦК, но кому нужен одинокий турист? Никто не станет гоняться за одиноким нелегалом по бескрайним просторам Российской Империи. Для полноты картины маэстро поинтересовался:

– Весьма признателен за внимание. Извините, крайняя нужда позвонить. Ещё немного и у домашних сделается нервный тик от моих настроений.

– Телефон потеряли? Как же вы так? Серафима, помогите господину Ленару.

Актриса достала из объёмного ридикюля серебряную коробочку с перламутровыми кнопками, и вонзив штепсель в фарфоровую розетку, занесла руку над устройством:

– Говорите номер?

– Какой номер? – Ленару стало интересно, что от него хотят услышать. Конечно, он читал о подобных устройствах, но в империи арнов уже несколько веков пользовались услугами молоденьких барышень с Земли.

– Ну куда вы собираетесь звонить?

---

² Экс – принудительное изъятие денежных средств у частных лиц и госучреждений, проводимые боевыми группами революционеров для финансирования подпольной деятельности своих партий.

– Поместье Ленара. Где аппарат? – Маэстро подробно осмотрел кабинет. – Дайте трубку, я сам всё объясню телефонистке.

– Телефонистке?! – Савва с Фимой уставились на Ленара, отчего тому стало совсем всё неприятно.

– Вы откуда к нам прибыли, дражайший, из прошлого? – осторожно поинтересовался меценат.

«Ну вот проколол билетик на трамвай. Сам в лабиринте и других запутал. Лет сто не летал в Россию. Одичал до неприличия. Наверняка, эта коробочка и есть телефон», – мелькнуло в голове у маэстро.

– Я без номера успешно обхожусь. Это чё получается, у вас номера есть, а барышень нет? – попробовал свести всё на шутку. – Вот это ракурсы в профиль! И что сердечнику делать в планетарии?

– Звоните в свой театр. Хоть какой-то номер должны помнить, коль импресарио? – предложил Савва, не любивший юмора подобного сорта.

– Ага, только сейчас начинает доходить – у меня образовалась качественная амнезия от здешнего климата.

– Это очень подозрительно. Сейчас вызову полицию. Вдруг вы революционер? – быстро перевела Фима опасения мецената, явно волнуясь за своего протеже.

Савва пододвинул к себе коробочку и начал жать выпуклые кнопки с арабскими цифрами. Что совсем не понравилось маэстро.

– Это вы совершенно зря придумали. Не советую, могу зарезать. – Ленар выхватил стилет. – У меня катастрофический цейтнот: ровно неделя на все коврики-дорожки. И нет никакого желания тратить его в липких объятьях власти, – с круглыми от удивления глазами актриса продолжала переводить необычный диалог между жертвой и злодеем, сверкавшим в полумраке кабинета острейшим лезвием.

– Подождите, подождите, если нужда в деньгах, – Савва торопливо защёлкал ящиками, – то могу подействовать. Вот ключи.

Ленар мгновенно прижал к горлу мецената холодный металл:

– Сидеть! Фимочка, будьте любезны, покажите сокровищницу Мидаса³.

Актриса распахнула дверь несгораемого сейфа «Ф. Сань-Галли» и не сдержавшись вскрикнула:

– Морозов, ты негодяй! Труп сидит без зарплаты, а здесь Клондайк! И где мы прогорели? Жмот потомственный! – Тирада не нуждалась в переводе. Любой мужчина с лёгкостью читает международный язык рассерженной женщины. Впрочем, Ленару не было никакого дела к финансам любовников.

– Барышня, уж извините за форс-мажоры, но не могли бы вы озвучить сколько надобно денег, чтобы путешествовать в Париж с хорошим шампанским? Этого хватит? – Он показал на стопки денег в недрах железного ящика.

– И останется на цыган с медведем.

– Тогда отсчитайте необходимую сумму, остальное передайте служителям Мельпомены⁴.

– Вы Робин Гуд! – воскликнула актриса и, наградив презрительным взглядом «близкого друга», начала строить пирамиду на зелёном сукне столешницы. Ленар выразительно хлопнув ресницами, сделал комплимент:

– Ну зачем так сразу. Это ваша неземная красота творит магию. Захотелось произвести впечатление. Романтик, знаете ли.

---

³ **Мидас** – македонский царь, обладающий способностью превращать все, чего коснётся в золото.

⁴ **Мельпомена** – в древнегреческой мифологии муза трагедии. Изображалась в виде женщины с повязкой на голове и в венке из листьев винограда или плюща, в театральной мантии, с трагической маской в одной руке и мечом или палицей в другой (символ неотвратимости наказания человека, нарушающего волю богов).

– Впечатлили. Молния, а не человек.

– Предлагаю удвоить сумму для столицы Франции? – Фима в нерешительности застыла над билетами свободы. Задание партии требовалось выполнить, но предложение посетить Париж выглядело крайне соблазнительно. Как любая красивая женщина, она решила перенести на потом сложный выбор. Если мужчина в интересе, то обязательно найдёт способ добиться своего, если же нет, то без нужды показывать слабость перед вояжем за границу.

– В чём кроссворд? – удивился маэстро, не понимая для чего нужна арифметика в театре. До сих пор подобные варианты не встречали сопротивления у провинциальных актрис.

Временно выпавший из дискуссии меценат придумал изобразить резкий старт из кабинета, но упал, споткнувшись об английский сапожек Серафимы. Тогда ловко перевернувшись на спину, начал палить из браунинга, зажмутив глаза. Маэстро пришлось метнуть стилет в горло напуганного мецената, отчего тот выронил пистолет, схватившись обоими руками за покрытую алмазами рукоятку.

Осторожно выглянув из-за стола, за которым пережидала артобстрел, Серафима встала и медленно открыла застёжку ридикюля, решая про себя сложную финансовую задачу. Ей жалко было товарищей по цеху, но в конце концов выкрутятся, не в первый раз. А у неё чрезвычайно важное дело, которым она никак не могла пренебречь. Вполне хватило сегодняшнего унижения, чтобы не желать повторения упрёков от соратников по борьбе.

– Обойдутся! – наконец решительно заявила, посмотрев на дрыгающего хромовыми сапогами покровителя искусств. – Фофанов вообще прошлый раз в пьяном виде сорвал спектакль, а Сапрыкин на банкете лез целоваться с мокрыми губами. – Сдвинув брови, начала загружать ассигнации в металлическую пасть ридикюля.

– Тогда надо бежать и очень быстро. Я не хочу резать вашего Сапрыкина. Гуманист, знаете ли! Нужен чёрный ход. Фима, слышите, чёрный ход! – вытирая стилет о золотые огурцы на жилете мецената, потребовал Ленар.

– Перестаньте кричать! Идёмте как обычно. Мы ведь не знаем, что здесь произошло? – ответила актриса, забирая в сумку браунинг.

– Вообще были в соседнем коридоре, – мгновенно подхватил маэстро, удивлённый хладнокровием актрисы.

Чтобы выиграть время, она закрыла дверь на ключ и пошла к служебному выходу с томным видом драматической примы. На вопрос администратора о выстрелах ответила:

– Онегина репетируем. Фофанов опять напился и палит в разные стороны из браунинга, как бешеный.

– Так там же вроде дуэльные пистолеты должны быть.

– Вот идите и объясните ему! Дерзит режиссёру, грозиться всех перестрелять, если не выдадут жалование.

– Увольте. Мне здесь неплохо. А насчёт денег он прав, – отговорился старик, поправляя на носу круглые очки в черепаховой оправе.

Когда локомотив оказался далеко за городской чертой, Фима до этого в крайнем возбуждении крутившая руль, наконец задала давно терзавший её вопрос:

– Товарищ, вы из какой партии? Понимаю, конспирация, но можете довериться полностью. Это мне поручили Морозова. Признаюсь, смалодушничала, не смогла ликвидировать. Савва хитроумно обольстил дорогими подарками. Почувствовал гад смертельную угрозу. Я сразу догадалась, что вы из наших. Готова понести любое, самое суровое наказание от соратника по борьбе.

«Да-с, замечательный крюшон образовался. Не успел выйти от пирса, а в кильватере труп мецената, и нервная дамочка размахивает браунингом. Знатное начало, господин Ленар!» – мысленно похвалил себя маэстро.

– Этого вашего газолитина до ближайшего города хватит?

– Вы о чём таком говорите? Аптеки на каждой станции. Товарищ Ленар, повторяю, можете положиться на меня во всём.

– Дорогая Серафима, вам придётся стать нелегалам, всё-таки убийство и грабёж богатого человека.

– Ой, как здорово, давно мечтала обрезать эти противные локоны: Морозову очень нравились.

– Прекрасный повод, браво! Рад, что помог избавиться от деспота. Так вы за революцию или личный фронт не устраивает?

– О чём таком говорите? Савва отказался спонсировать «Искру». Представляете! Партия рассчитывала на него, а он заявил, что рабочие бастуют, начитавшись газет. Жмот упёртый!

– Так зачем амуры делали? Порядочного человека совратили?

– Вы что себе позволяете! – Гневно вскинула подбородок актриса.

– А, есть ли в империи полёты на аэропланах? – перебил Ленар, чтобы не участвовать в глупом на его взгляд споре.

– Завтра из Ростова вылетает «Максим Горький» под управлением Левоневского. Хотите принять участие в митинге? – в свойственной женщинам манере легко перескочила на другую тему революционерка.

– Мечтаю, я, знаете ли, поклонник «сталинских соколов»!

– Каких, позвольте, соколов?

«Всё, жить нет никакой возможности, что не скажу, то всё сразу мимо! Это куда же меня высадил Семён? Телефоны необычные, полярники летают из Ростова!» – мысленно возмутился Ленар.

– Фимочка, а что это у вас за аппараты с кнопками. У нас на болотах связь не имеет такой подвижности.

– Держите, только нужна розетка.

Маэстро покрутил в руках прямоугольную штуку с огоньками под выпуклым стеклом: «Бледный Космос! Ерунда какая-то! Цифры, кнопки...» – Пришлось успокоить начавшую подозрительно коситься актрису:

– Фимочка, душа моя, я только что сбежал с каторги, а там, сами понимаете, вечный курорт от центральной прессы. Помогите беглецу позвонить в Индокитай. Большая нужда сообщить своим, что повезло с Армавиром.

– Теперь понятно, почему так странно говорите. У красных кхмеров сидели?

– У них проклятых. Свирепые до невозможности, чуть что и бьют по голове нещадно, видите, падежи путаю!

На предельно чёрном небе Кубани появилась луна в окружении звёзд Млечного пути. Впереди из-за холма с кучерявыми зарослями орешника показались мерцающие огни атмосферного электричества на воротах придорожной гостиницы. В ресторане газолиновая люстра бросала размытый свет сквозь пыльные плафоны. Ленару стало совсем грустно. И что за беда выбросила его из уютного дивана в холодную ночь чужой страны? Это ведь надо ещё постараться, чтобы найти столько гвоздей в одном месте и сразу!

Вонзив штепсель в фарфоровую чашку, Серафима достала из ридикюля крошечные счёты и, бодро пощёлкав костяшками, набрала длинный номер. Затем протянула с довольным видом светящуюся коробочку.

– Вот.

Маэстро с недоверием взял и осторожно приложив к уху, спросил:

– Гектор?

– Поместье Ленара Тринадцатого, представьтесь, пожалуйста? – раздался механический голос.

– Ты, железный болван, что не узнаёшь? – обрадованно закричал маэстро, не желая называть своё имя агентам ЦК, прослушивающим звонки из мира людей в империю.

– Кого, позвольте, я должен узнать? – невозмутимо произнёс камердинер.

– Пригласи к аппарату Семёна немедленно! – с рычанием потребовал Ленар.

– Извините, сударь, у меня большое подозрение, что вы ошиблись адресом. Обратитесь с жалобой на станцию. Впредь прошу не беспокоить. – Камердинер разорвал соединение. Ленар мысленно издал вопль обиженного барсука: «Ой, ой, ей, что это получается, у Гектора профессиональный глюк или провода окислились от болотных туманов? Так, из хорошего: поместье существует, стоит на месте, как Московский кремль. Остаётся придерживаться плана и добраться в Париж к сроку. По крайней мере, там есть квартира. Конечно, можно позвонить родным-знакомым, но уж больно нелепая ситуация, когда придётся объяснять бывшей жене, почему оказался под Армавиром. Сто процентов идиотская тропка! Запишут в сумасшедшие, и прощай веками выстраданная репутация непробиваемого циника-одиночки».

Конечно Ленар рассчитывал на всяческие там приключения, но начинать дорогу с убийства – это решительный моветон⁵. Актрис за свою жизнь он насмотрелся больше чем арабский шейх наложниц, и очередная прима несколько не впечатлила, за исключением хладнокровия, с которым смотрела на умирающего любовника. Могла бы для приличия вскрикнуть, упасть в обморок, наконец, однако ж нет, забрала деньги и перешагнула через тёплый труп, как ни в чём не бывало. Впрочем, маэстро никогда не имел дел с революционными натурами, у которых, вполне может быть, что в голове всё совсем по-особенному устроено. И обычные проявления чувств у них имеют другое назначение, вывернутое от нормального.

– Серафима, просветите иностранца, а чем таким насолил господин в огурцах, что непременно хотели убить?

– Не понимаю, а за что вас отправили на каторгу? Неужели уголовник?

– Скажите тоже, чтобы импресарио и деклассированный элемент. Обыкновенное вольнодумство: хотел жить на болотах без касательства к власти. Крамола!

– А разве такое возможно?

– Что именно?

– Чтобы отправляли на каторгу из болот? Тогда какая это каторга, сплошное удовольствие, санаторий.

– Вот и я так считал, и что вы думаете – одуванчики помяли, видели бы вы эти безобразные траншеи в девственно белом одеяле. Варвары!

– И что такое сделали?

– Украл садовую беседку.

– И за это на каторгу? Ерунда какая-то! Вы меня обманываете.

– Вместе с чиновником первого класса, а это уже не шутки.

– Здесь поверю. И что чиновник?

– Неубиваемый, пробовал травить, представьте себе казус, в его организме яд потерял убойную силу. Эх, если бы вы были рядом, непременно бы закатил глаза. В вас есть энергия, превращающая смерть в нечто демоническое.

– Опять комплименты. Экий вы неутомимый.

– Подождите, вдруг наш союз благословили небеса? Возьмите факты: у вас осечка с Морозовым, мне каторгу сделали. А вместе мы сила – чик, и покойник в луже крови. Я думаю, здесь есть о чём подумать.

Наблюдение иностранца озадачили Серафиму. Она как личность, достигшая определённого успеха в жизни, с вниманием относилась к приметам. Новое поприще требовало помощника. Абсолютная глупость – отвергать руку судьбы. Однако требовалось выработать неко-

---

⁵ Моветон – дурной тон.

торые правила, прежде чем начинать отношения с новым человеком, к тому же способным на убийство.

– Скажите тоже, вы, например, весьма искусно метнули кинжал.

– Форменный плагиат.

– В чём же?

– Петь дифирамбы. Но не скрою, из ваших уст они звучит, как песнь ангела. Впрочем, вы и есть ангел.

– Прекратите склонять моё имя. Я говорю серьёзно, а вы снова за старое.

– Так в чём серьёзность? Удачная смерть, не более того. Хотя, вполне может быть, что руку направляла именно ваша воля. Скрытое желание получило материальное воплощение. Я этого не исключаю.

Описывать иголки на мексиканских кактусах не имело никакого смысла. Да и что мог рассказать маэстро актрисе с Земли? Разве она в состоянии понять бессмертного арна, его уставшую душу? Подняла бы на смех в обязательном порядке. Тут вон любовник неправильный попался и сразу за браунинг. Чем он таким особенным отличается от мецената? В таком же порядке возил театры по гастролям и держал актёров впроголодь, чтобы лучше работали. И угроз отрезать голову тоже наслушался довольно, правда, от арнов: они знали предмет. Но внешне всё более чем похоже. А теперь попробуй детализировать для революционерки вторжение обер-камергера, разрушавшего жизнь в обмен на фестиваль, который и без него Ленар мог устроить. Не в том масштабе, конечно, но зато без долгов перед империей.

Глава 3 Трудные переговоры

На горизонте топырились молодыми опятами позолоченные маковки православных церквей. Аэродром, устроенный за чертой города, гудел от криков восторженных любителей авиации, собравшихся проводить в небо восьмимоторный исполин «Максим Горький». Впервые в мире должен был начаться перелёт по маршруту: Ростов – Санкт-Петербург – Берлин. Суетились фотографы, репортёры спешили занять выгодные места, автобудки размахивали прожекторами и кинокамерами на подвижных шарнирах из чёрного металла, лопались от неловкости и суеты электрические лампочки.

Закрывая рукой глаза от вспышек магния и снисходительно улыбаясь, из спортивного автомобиля выбрался Зигмунд Левоневский. Известного лётчика мгновенно окружила стайка поклонниц в экзотических боа из перьев марабу. На трибуне, украшенной кумачовыми лентами, пилота ждали седовласый губернатор, облачившийся ради такого случая в расшитый золотом парадный мундир, и депутат думской партии социал-демократов с красным бантом на кожаной тужурке.

Что происходит с пространством и временем, постичь невозможно. У Ленера сложилось впечатление, что участвует в спектакле психбольницы. Но выбирать не приходилось. Он давно заметил: стоит на мгновение усомниться в действительности, как сразу в организме образуется острая нехватка эндорфина, оттого что только он способен подружить две абсолютно враждебные субстанции – правду и вымысел. В них надобно верить одновременно, иначе жизнь приобретает совсем никчёмный смысл, этакое броуновское движение атомов в безграничном космосе. Во всяком случае, маэстро решил не подавать вида, что смущён местными субботниками и обратиться к Фиме с невинным вопросом:

– У вас всегда так, или крупно повезло с забегом?

– Что? С каким забегом?

– Левоневский с губернатором целуются? Неприлично ведь коммунисту, прославленному лётчику с царским генералом и взасос?

– Совсем обарсучились на своих болотах! Вы что думаете, сейчас это важно? Перед лицом мировой угрозы все патриоты обязаны крепко сцепить локти для отпора акулам империализма! Не сегодня завтра война, а мы отношения начнём выяснять у всех на виду?

– А как увязываются с этим экссы, убийства правительственных чиновников?

– Боевая организация эсеров стоит на другой политической платформе, чем марксисты. Они приспособленцы, – с негодованием ответила Фима. Даже не понимаю, как я могла им доверять раньше. В 1905 году отказались нас поддержать. А я им средства добывала для борьбы.

– Ага, ничего не понял, но на душе стало значительно легче.

– Вот, видите, – сверкнув глазами, констатировала Фима, по-своему истолковав реплику. – Что планируете делать?

– Примем участие в качестве смелых зайцев. Поддержим авиацию империи, так сказать, персонально! Воспользуемся митингом и проникнем в чрево пролетарского писателя. Идёмте, надо срочно найти комбинезоны и бочку с топливом.

– Подождите, а как я объясню товарищам свой полёт с идейным врагом?

– Для контроля. Нельзя, чтобы коммунисты бессовестно занимались агитацией пролетариата, в то время как вы рискуете жизнью, уничтожая душителей народа. Согласны?

– Точно, потом в «Правде» напечатаю статью о перелёте.

– В «Правде»? Разве это не рупор большевиков? Или я что-то не понимаю?

– У них и напечатаю, чтобы не зазнавались! А кто мне запретит?

– Серафима, вам никто. Только безумец решится на подобный выстрел.

– Правильно. Лично ликвидирую, как врага народа.

– Извините за глупый вопрос, а Максим Горький уже умер?
– С чего вы взяли? Жив и здоров, теперь главный редактор. Пусть только попробует отказать!

– Ага, а самолёт – это... – Ленар изобразил на лице вопрос.

– Идея товарища Сталина. А в чём дело?

– Восхищён новаторским решением! Ну так что, идём?

Быстро привыкнув к удовольствиям обеспеченной жизни, актриса постоянно откладывала убийство мецената. Серафиме было приятно, когда состоятельный мужчина бросался исполнять её желания по первому знаку. Когда все сроки вышли, арестовали Горького за участие в студенческих волнениях. Только благодаря деньгам Морозова удалось освободить автора «Буревестника». Но и этого оправдания хватило ненадолго. Столкнувшись с чёрной неблагодарностью рабочих, объявивших забастовку, фабрикант отказался давать деньги марксистам, зовущим пролетариат к организованной борьбе за свои интересы.

Месть партии настигла жадного фабриканта, деньги для нового акта лежат в ридикюле из прочной тафты. Серафима чувствовала облегчение. Казалось, дело устроилось как нельзя лучше, однако оставался один и самый главный вопрос – кто такой Ленар, и почему решился на убийство Морозова? Его легенда с каторгой у кхмеров выглядела фантастично, но другой не было. Конспирацию, как говорится, никто не отменял, значить так надо, решила Серафима.

Из рупорных динамиков пульсировали низкой частотой горячие призывы развивать «Добровольное Общество Авиаторов», прерываемые духовым оркестром, игравшего по очереди «Дунайские волны» и «Марш Энтузиастов». Ничего не меняется в человеческой натуре, проходят века, а люди неистребимо шлифуют эволюцию вида. Думаете, в империи арнов по-другому? Вовсе нет! Нельзя растопырить пальцы на весь рояль сразу. Вера в нравственные ценности движет паровозы истории к очередной войне, локальной или мировой уже неважно. Главное, нельзя жить в государстве без этой самой веры, веры в институты насилия. Не имеет значения в какой форме, интеллектуальная лоботомия одна из них. А как не лоботомия, когда марксисты заседают в Государственной Думе, но при этом затевают свержение монархии? Хорошо, пусть будет, но зачем в этот дурдом приехал Левоневский? Здесь интеллект Ленара, казалось, ко всему приученный, начал искрить встречными токами, не имея чётких маршрутов.

Каждый раз, наблюдая пропаганду очередных истин, Ленар задавался вопросом: может ли разумное существо отказаться от борьбы за свою единоличную жизнь для царства Бога на Земле, и приходил к неутешительному выводу – Может! Только вот вопрос, когда цель достигнута, где будет Бог, где будет находиться эта самая вечно недостижимая истина – Умрёт? Ведь любая абсолютная победа – это крик обезумевшей от горя матери над телом поверженного героя. Миллионы людей идут погибать ради лучшей жизни, и что-то не случается им её увидеть? Да и какой разумный человек готов умереть, чтобы жить потом в песнях? Можно, конечно, найти пару сотен безумцев, а вероятно и тысячи, но чтобы миллионы? Начинаешь сомневаться в разумности недавних обезьян. Массовое помешательство указывает со всей очевидностью на «Дунайские волны», которые непременно закончатся «Маршем Энтузиастов», и «энтузиасты» здесь ключевое слово.

В огромном ангаре из гофрированного железа беглецы, воспользовавшись шумным митингом, облачили в спецовки и покатали бочку с надписью: «Осторожно ртуть!» под мелодию «Боже, Царя храни». Провожавшие, сорвав головные уборы, запели нестройными голосами:

*Боже, Царя храни
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,*

*Царствуй на страх врагам,
Царь православный.
Боже, Царя храни!*

«Да, чувствуется, идеи воздушного террора ещё не дали всходов в гипоталамусе человечества. Придётся выступить новатором», – отметил про себя Ленар, беспрепятственно поднявшись в салон небесного гиганта. Закатив бочку с опасным содержимым в библиотеку, нашёл каюту с иллюминатором, смотрящим вперёд из крыла самолёта. Серафима тут же расположилась у металлического зеркала, чтобы срезать выющиеся локоны маникюрными ножницами. Получилось не очень: барышня обрела вид калёной рецидивистки из жёлтого дома с пузатым ридикулем, на которой красовалась серебряная надпись Stephen Fry.

– Решительная вы барышня, однако. И что, обязательно лишать себя красоты, в угоду барабанам прошлого? Морозова уже нет, а вы мстите его вкусам?

В толстом стекле иллюминатора было видно, как жандармы отгеснили восторженную публику, освобождая взлётную полосу. Один за другим заработали восемь авиамоторов по 900 лошадиных сил каждый, двухметровые колёса в аэродинамических обтекателях запрыгали на стыках бетонных плит. Земля нехотя, с тяжёлым вздохом отпустила гудящий от нетерпения самолёт в небесные просторы. Фима, насладившись панорамой, ответила:

– Товарищ Ленар, с прошлым надо расставаться легко и навсегда, иначе оно догонит, чтобы задушить в липких объятиях родственников. Вы же сами сказали, что переходим на нелегальное положение? Вот, согласно директиве, меняю внешность.

– Да вы философ. Предстоит разговор с командиром судна, а у вас фасон драной кошки. Впрочем, я уже придумал историю. Будете несчастной женщиной, зарезавшей любовника-тирана. Бил, насиловал, в довершение всего, проиграл в карты. Позволяю несколько штрихов о тяжёлом детстве в сиротском доме.

– Как вы догадались насчёт приюта? – внезапно охрипшим голосом спросила актриса и взаправду похожая на беспризорницу с пучками истерзанных волос над глазами.

– Уже в образе? Молодца! Да, запомните: постриглись от страха быть пойманной, теперь жалеете до невозможности. Это для достоверности.

– А вы?

– А что я? Преданный воздыхатель, невольный участник драмы: «Смерть в Армавире».

– Не сходиться с тираном, скорее любовный треугольник.

– Слушайте, не морочьте голову. На другой сценарий нет времени. Соберитесь! Вон кто-то уже идёт.

Действительно, в каюту протиснулась одна из участниц эскорта с цветами и пакетом фруктов, которые тут же выронила на пол, испугавшись смелому дизайну Серафимы.

– Зигги, – закричала дамочка пронзительным фальцетом и умчалась, часто топя каблучками по ребристому алюминиевому полу. Ленар бросился следом, чтобы лётчик не перевёл аппарат в штопор от её воплей. На удивление, Зигмунд невозмутимо держал штурвал, шурясь от едкой папиросы в углу рта. Рядом моргал разноцветными огоньками механический автопилот.

– Жу-Жу, у тебя опять истерика, перестань нюхать кокаин, или выброшу за борт, как порочную стерву, – не поворачивая головы, осадил Зигмунд испуганную спутницу. – Прикури лучше папиросу.

Он кинул на стол картонную пачку «Сокол Сталина».

– Зигги, ты неправ, я ничего не нюхала. А если и так, то совсем немного. Ну сам посмотри, вот это кто? Или прыгну без твоей помощи! – Дамочка, высвободив руку из перьев марабу, показала алым ноготком на Ленара со спутницей.

Щёлкнув тумблером на клёпанном затылке автопилота, Зигмунд налил себе газировки из обтянутого проволокой сифона. Ленар не понимал, почему лётчик не желает замечать непрошенных гостей. На самом деле Зигмунд обрадовался видениям: наконец-то на него подействовал кокаин. Он уже пробовал и был обескуражен отсутствием эйфории. В этот раз наркотик явно подействовал.

– Зигги, ты, случайно, не трогал перламутровую коробочку? – мстительно прищурившись, спросила Жу-Жу.

– Что за чушь! Для чего мне это надо?

– А почему не замечаешь вот их? – Жу-Жу подняла второй указательный пальчик с алым ноготком.

– Опять ты со своими фантазиями? Вот что я сейчас должен заметить? Что?! Можешь вразумительно ответить на обыкновенный, совсем простой вопрос?

– Спроси, что они здесь делают.

– Ну и что вы здесь делаете? – поморщившись, обратился Зигмунд к галлюцинациям. На него смотрела знаменитая актриса Андреева с уродливо выстриженной чёлкой в рваном промасленном комбинезоне, рядом красовался усатый господин в чёрном сюртуке и оранжевых ботинках из неизвестного животного, но точно не крокодила.

– Скрываемся от полиции. В бегах, знаете ли, за убийство фабриканта Морозова.

– Стоп, Жу-Жу такое не могла придумать. Она убеждённая пацифистка. – Левоневский по очереди ощупал гостей, чтобы поверить в действительность. – Жу-Жу, ты опять кокаин у того спекулянта на ипподроме покупала? Второй раз нюхаю и никакого эффекта. Это становится обидно, в конце концов. Ещё так сделаешь и будешь изображать фламинго в каком-нибудь Житомире.

– Ничего не знаю, мне на собрании поручили следить за твоим здоровьем. Товарищ Сталин лично приказал беречь знаменитого пилота от вредных привычек. Сам фламинго станешь, оципанным, если расскажу! – парировали ЖУ-ЖУ и гневно отвернула к иллюминатору курносое личико в веснушках.

– Женщины! – поставил диагноз лётчик. – Итак, господа, чем обязан? Согласитесь, вы здесь без всяких правил. У меня ответственный полёт мирового значения. Уголовный элемент никак не может находиться на борту коммунистического судна.

– Так мы и не находимся, мы летим, смею заметить. Но кто бы за это знал, кроме вас! – поправил маэстро.

– Не вижу повода делать тайну. Рассказывайте, для чего забрались в самолёт? – Зигмунд жестом пригласил садиться в алюминиевые кресла, привинченные к небольшому столу. – Впрочем, подождите, вот статья о вас. Что скажете? – он развернул «Гудок Кубани» с чёрно-белым рисунком Серафимы, держащей дымящийся браунинг, и Ленара в уникальных оксфорд-брогах.

– Ого, Фима, в Ростове стремительная пресса и художник эстет. Смотрите, приличные комиксы, даже пупырышки на обуви сделал. Но здесь пишут о злодеях! А это решительная неправда. Репортёрское враньё! Просто возмутительно! Зигмунд, я вас так буду называть, мы жертвы обстоятельств. Вы только послушайте эту душеспатательную историю мужского вероломства.

За бортом огромные винты безжалостно молотили воздушное пространство, уплотняя стратосферу до приемлемой густоты. Великая актриса Андреева, выжав гениальную слезинку на кончик ресницы, дрожащим голосом поведала трагедию, достойную пера Еврипида:

– Надеюсь, вы представляете себе нелёгкий путь девушки без связей в главные актрисы. Мне пришлось пожертвовать личным счастьем, чтобы пойти в театр. Крайне непросто, обладая красотой, влюбиться в маленького, пузатого мужчину. Господи, сколько потребовалось выдержки, чтобы дружить с его женой. После всех жертв, этот кривоногий павиан, разгорячив-

шись от коньяка, проиграл меня в карты бездарному Сапрыкину. – Здесь качественно всхлипнула, отчего гениальная слезинка, сорвавшись вниз, уступила место своей подруге. – И что делать, когда чистую, не замутнённую стяжательством любовь, бросают на зелёный стол порочной страсти? Каким образом слабая женщина может противостоять желаниям развратного мужчины? Да, я актриса и человек зависимый, но вовсе не бездушная собственность, на которую можно играть с ничтожеством!

Левоневский, окинув жертву страстей холодным взглядом, заявил:

– Отдаться, долг чести необходимо исполнить. Таковы правила. Нечего было с фабрикантом амуры крутить. Пожалуйста, результат! Но долг есть долг. Тут ничего не поделаешь. – Авиатор со значением поправил на груди орден Святого Георгия IV степени за героический перелёт Москва – Житомир.

Зигмунд Левоневский к несчастью не испытывал азарта, отчего тайно страдал, наблюдая за товарищами. У него в голове обосновалась высохшая моль, которая мешала по-настоящему наслаждаться жизнью. Дорогие машины и популярность никоим образом не заменяли отсутствие адреналина в крови, о котором лётчик знал, но пользоваться не умел в силу нервной организации. Всё, что он делал, и чем хвастался, было скопировано с других или забрано из книг, но никак не воспроизведено из самоличной души.

– Зигги, не занудствуй, – упрекнула Жу-Жу. – Морозов редкая скотина, если играл в карты на женщину. Никто плакать не будет. Скажите, пожалуйста, Серафима, а это страшно убивать? Я бы не смогла ни разу. – Она критически посмотрела на Левоневского, её передёрнуло. – Фу, какой ужас!

– Так он стрелять стал, вот из этого браунинга. – Фима достала из ридикюля оружие и направила на лётчика. – И что оставалось? Это хорошо, что господин Ленар оказался рядом, иначе в газетах рисовали женский труп в луже крови. Зигмунд, скажите, пожалуйста, вы ведь коммунист? – спросила актриса, щёлкнув предохранителем.

– Конечно, всякий уважающий себя лётчик должен быть коммунистом. Это очевидно! – воскликнул Зигмунд, с опаской глядя на оружие в руках неуравновешенной женщины.

– Вот, Ленар, теперь понимаете, почему у нас разные платформы, – объяснила Фима. – У них повсюду коммунистическая мораль: надобно отдать долг! Только отчего именно мне вручили этот факел, никто не может объяснить. И самое забавное, почему-то забыли спросить моё согласие. Вот долг, и всё тут.

– По-прежнему ничего не понимаю, но становиться как-то неудобно. Зигмунд, я могу рассчитывать на ваше жизнелюбие. Нет нужды увеличивать количество трупов в кильватере женской трагедии. Вы, например, мне симпатичны. Ферштейн? Высадите в Берлине и жмите полный ход к себе в Варшаву.

– А зачем мне Варшава?

– Ой, постоянно путаю падежи. Это просто наваждение какое-то. На Москву, конечно, Drang nach Osten, так сказать!

– Вот именно что в Москву! Значит, вы захватываете корабль? – уточнил лётчик.

– И в мыслях нет ничего подобного. Что мне делать с этакой громадиной? Фимочка, сколько у вас пулек осталось?

– Достаточно, – рапортовала отважная террористка, направив оружие в грудь лётчика, чтобы наверняка пробить жестокое сердце коммуниста.

– Отлично! Зигмунд, отдайте свой револьвер и можете без всяких помех управлять самолётом. Обещаю вплоть до Берлина изображать фиолетового пони. Уверю, таких незаметных пассажиров вы ещё не встречали.

– Я уже оценил вашу деликатность, – с апломбом отметил пилот. – Жу-Жу, сделай, пожалуйста, гостям кофе, а мне разожги, наконец, чёртову папиросу! – схватив штурвал обеими

руками, Левоневский устался в пронзительно синюю полосу, отделяющую белое одеяло кучевых облаков от звёздного неба.

Вот что значит партийная дисциплина! А что, и правильно, зачем подвергать опасности важный перелёт? Всегда надо держать курс на столицу, видеть главное направление, так сказать! Возьмись, к примеру, геройствовать Зигмунд, и немецкие товарищи могли остаться без ящиков с тротилом, крайне важного для революционной работы. Левоневский не был трусом, вовсе нет. Он участвовал в ночном перелёте Москва – Житомир, был ранен на охоте под Кёнигсбергом. Сейчас на нём лежала огромная ответственность перед партией, пославшей знаменитого лётчика оказать помощь коммунистам Германии.

«Затевать драку с обиженной актрисой просто неприлично! – подумал лётчик. – В конце концов, в салоне места более чем достаточно. А что касается пьяного фабриканта, так Морозов получил по заслугам. Ульянов на V съезде в крайних выражениях отозвался о жлобстве капиталистов, просто архижлобстве, мешающем организовывать стачкомы в трудовых коллективах».

Очень часто доводы разума начинают делать билеты в чужие горизонты, с которыми человек, движимый инстинктами, никогда не сможет встретиться. Здоровое чувство самосохранения направит к обычным вещам и спасёт неразумного. Отказав провидению в свободе действий, Левоневский положился на бездушную логику. Решишь сразу бороться, может и получил ранение, но остался бы в своём мире, в своей узкоколейке. Теперь Зигмунд, как его обещал называть маэстро, начал дорогу, не зная готовых решений. Дисциплинированный лётчик отправил короткую радиограмму, став заложником узкой бумажной ленты с чёрным пунктиром из точек и тире.

Глава 4 Дискуссия в облаках

Неудобно мешать знаменитому перелёту, но что поделаешь, иногда судьба оборачивается совсем в другой профиль, особенно когда речь идёт о жизни и смерти. Для Ленара – это страх остаться на Земле дольше чем планировал. Но, несмотря на издержки, маэстро с удовольствием дышал полной грудью! Сумрачный воздух одиночества начал вспыхивать электрическими искрами, тормоза уставшее от жизни сердце яркими зигзагами.

Совсем неожиданное открытие, когда вдруг понимаешь, что боишься до ненависти получить кулаком в солнечное сплетение, разбить с хрустом драгоценный нос, наконец, бесславной смерти на чужой земле. Нельзя заранее знать, насколько серьёзно тебя искалечат. Возможности организма у арнов тоже имели пределы. Например, рука или нога ещё могли отрасти в несколько месяцев, а что касается головы, так кому она нужна без личности? Так, новое хранилище, вообще неизвестный индивид. И сколько не рассказывай предыдущие жизни, в результате получится абсолютно другой человек. Впрочем, головы не отрасли, а вот, например, без ноги придётся ходить несколько месяцев на железном протезе, что само по себе занятие не из приятных.

«Странный вывод – счастье жизни, это когда боишься? – подумал маэстро, представив в какой фарш мог превратиться, упавши „Максим Горький“ из стратосферы на землю. – Говорят, смелость – это бурление химических реакций в организме, а борьба за выживание, тогда что? И для каких полей такая дорога? Например, зачем испортил коммунисту геройское пилотирование в обществе курносой дамы? Кстати, а что думает пламенный ангел о нравственных устоях Зигмунда?»

– Фима, озвучьте, пожалуйста, ваше мнение насчёт участия криминальных персон в историческом перелёте Ростов – Берлин?

– Зигмунд негодяй. Его надо ликвидировать, когда прилетим в Германию, – неожиданно предложила актриса. – Пусть архангелам рассказывает про долги!

– Новая история. Позвольте узнать, мы свои жизни спасаем, или у нас уже совсем другая карма образовалась? Мечь пернатых моралистам!

– Я всё придумала – когда приземлимся, всажу пулю между глаз, прямо в лоб.

– Да уж, политическая платформа у вас мрачновата, вы не находите? За что героя решили уничтожить? Пусть себе машет крыльями во славу партии, аки сокол. Кстати, куда денете свидетеля, красавицу Жу-Жу?

– Жалко дамочку, но это сопутствующие жертвы. Здесь всё просто – тоже застрелю, чтобы не мучилась.

– А партийная дисциплина где? Самодеятельностью решили заняться! Когда увидел вашу красную машину, сразу подумал, что буржуазная жидкость уже забралась в кровь вместе с заграничным конфитюром!

– Что за конфитюр такой?

– Вот не знаете, а едите ложками. Как результат – революционная горячка!

– Но ведь он идейный враг, – без прежнего запала возразила Серафима.

– И в чём его враждебность, скажите на милость!

– А кто хотел из меня проститутку сделать? Почему я должна за чужие долги телом расплачиваться?

– Экая вы идейная. Пойдёмте знакомиться с альтернативной платформой. Вдруг там обнаружатся бездна здравомыслия и паюсная икра в банке. – Ленар вернулся в кабину пилота мимо отсека с жужжащими дисками. У него создалось ощущение, что находиться на космическом лайнере, а не в самолёте с ревущими авиамоторами по 900 лошадиных сил каждый.

– А что это у вас там так замечательно фырчит в районе библиотеки? – спросил Зигмунда.

– Ртутные турбины Шаубергера. Без них аппарат вряд ли бы смог подняться в стратосферу.

– Да-с, совсем отстал от прогресса. С гравитацией справились! Вот чего и не подумаешь сразу. А кто обслуживает чудо инженерной мысли?

– Механики.

– И почему не пригласили на банкет? Верный шанс избавиться от незваных гостей, числом бы взяли.

– Была нужда! Нет уж, извините. Мне такой славы не надо. Ещё не хватало, чтобы Левоневского спасли механики. Шутите! Полагаю, мы здесь сами разберёмся, без профсоюзов?

– Да вы педант! Гори всё синим пламенем, а спирт не трогать!

– Без правил люди превратятся в толпу со стадным инстинктом, в которой могут выжить только бандиты вроде вас.

– Эх вы меня приложили! Серафима, ваша правда, надо смотреть за товарищем. Ещё придумает из нас лангустов сделать!

– Лангустов? Много чести для разбойников, – пыхнул папиромой Левоневский, услышав знакомое слово.

– Только без эстетства. Чем вам лангусты не угодили?

– Ракообразные, а это не про вас. Вы пятиться не станете. Скорее зарежете, – скривив уголок рта, констатировал Зигмунд.

– Да, действительно, здесь вы правы. Не про нас, – нехотя согласился Ленар.

– Фимочка, женская интуиция взяла верх над мужской логикой. Есть подозрение, что вы правы. Опасен своим уставом наш моралист.

Личность Зигмунда начала беспокоить маэстро. Одно дело революционный порыв борца за счастье народа, и совсем своя песня, когда любовь к букве закона начинает сушить сердце. Такой субъект и на дыбе повиснет с прокурорским выражением лица. У него вместо бумажных корабликов суровое детство в голове. Он не знает, отчего образовывалась в организме язва желудка или ещё какой имущественный дефект, но уверен до выгнутых от пота стелек, что все беды в мире производят идиоты. Моралисту невдомёк, что причина его любви к ритуалам в её отсутствии, этой самой любви. Товарищ убеждён, что по-другому и быть-то не может. Ведь он страдал, в то время как сверстники пускали ненавистные тетрадные листки в осенние лужи.

«Да-с, с таким фундуком Париж легко превратиться в светлую мечту, можно не сомневаться ни разу!» – пришёл к заключению Ленар, разглядывая хорошо выстриженный затылок Зигмунда. Вдруг на лобовое стекло легла тень истребителя, перечеркнувшая ультрамарин стратосферы. Крохотный Nierort, оставляя инверсивный след от реактивного двигателя, начал заходить на боевой курс, намереваясь атаковать громаду «Максима Горького».

– Товарищ Зигмунд, просветите гостей – успели радировать в центр?

– По уставу обязан доложить.

– Славе Икара позавидовали?

Истребитель выпустил длинную очередь из пулемёта «ШКАС» и пошёл на новый круг. Левоневский, перекинув дымящую папирому на другой конец узких губ, взялся разглядывать в бинокль аппарат нападавшего.

– Не понимаю, почему стреляет?

– А вы думали, что мы ей живыми нужны?

– Кому ей?

– Безутешной вдове!

– Я радировал только диспетчеру. – Зигмунд в раздражении выплюнул недокурную папирому в боковой иллюминатор.

– Ага, внешность героя, как правило, говорит о высоком уровне интеллекта, ваш бьёт все рекорды. Забыли, что семейство фабриканта не из бедных? А-а, это решили, что партбилет

защитит от вендетты. Поздравляю! Защитил! Вас оценили и взвесили: для Морозовой пустое место, ноль в воздушном пространстве России.

Зашедший в хвост биплан опять разразился градом пуль. Понимая, что не сможет причинить существенный ущерб небесному голиафу, истребитель сосредоточил огонь на бензобаках. Когда израсходовав боезапас, крохотный Nierort растворился в облаках, стрелка манометра быстро уткнулась в красную полосу, отсчитывая «Максиму Горькому» последние минуты в воздухе. Механики кинулись затыкать сырой резиной многочисленные пробоины. Небольшой запас быстро иссяк. Насосы рывками кидали остатки топлива в карбюраторы, отчего двигатели начали громко фыркать винтами.

«При таком пожаре никакого здоровья не хватит. Сгорю, как бенгальский огонь, под ёлкой» – подумал Ленар. Умирать, не побывав в Париже, ему совсем не хотелось, поэтому разрезав стилетом штаны на куски, кинуться помогать. Механики пришли в возбуждение, увидев, как быстро лечат раненный метал необычная ткань. Под воздействием углеводорода молекулярная решётка намертво запаяла отверстия, укротив холодные струи бензина. Все с благодарностью уставились на маэстро в чёрных боксёрских трусах с надписью: «НИКОГДА НЕ СДАВАЙСЯ», напечатанной белым шрифтом спереди и сзади. Осознав, что смерть отступила, экипаж рассмеялся. Серафима упрекнула:

– Товарищи, человек самое драгоценное отдал, а вы смеётесь!

– Просим прощения. От полноты чувств, – начали оправдываться механики, впервые видевшие подобные лозунги на нижнем белье.

Моторы тем не менее продолжали по очереди чихать от неустойчивой работы бензонасосов, хватающих вместе с остатками топлива разряженный воздух.

– Идёмте к товарищу Левоневскому, – вытирая слёзы, крикнул старший механик, привыкший командовать в грохоте моторного отсека.

«Максим Горький» летел под управлением железного автопилота, моргающего разноцветными огоньками. Левоневский изволил кушать кофе, невозмутимо пыхая в потолок папиросой «Сокол Сталина».

– Справились? Молодцы! Обязательно расскажу архангелам, как только встанет турбина, а встанет она... – лётчик посмотрел на командирский хронометр с зелёными стрелками, – через пять минут.

– Товарищ Левоневский, вы же коммунист? – упрекнул маэстро.

– Зато архангелы беспартийные. Отличные боксёры! Девиз страдает патетикой, но в общем поддерживаю. Кофе?

– Зигмунд, у нас есть парашюты – спасёмся!

– В стратосфере? Шутите? Они не раскроются в разряженном воздухе.

– Так, для турбины что нужно?

– Ртуть, а где её сейчас найти?

– Могу выручить.

– После трюка с баками готов поверить в чудо.

– В обмен на кожаные штаны.

– Командир, надо премировать находчивого товарища, – поддержал стармех, уверенный в изобретательности Ленара.

– Это чёрт знает что такое. И в каком виде я встречу с архангелами?

– Геройском, однозначно! В рваной спецовке борца со стихией. У меня в каюте валяется, – пообещал маэстро.

Левоневский потянулся к пустой кобуре, но был остановлен механиком:

– Вам новые выдадут, а товарищ... Вас как звать? – спросил маэстро.

– Ленар Тринадцатый.

– Товарищу Ленару негоже так сверкать рядом с Андреевой, – громко обосновал мнение экипажа стармех, показывая на шёлковые трусы с девизом: «НИКОГДА НЕ СДАВАЙСЯ», гордо реявшие над оранжевыми ботинками.

– Можно ещё куртку для комплекта. А вам сюртук и фуражка. Держите от чистой души. Кокарду поменяете и хоть завтра в «Звёздный флот», – обнаглел Ленар.

– Какой такой «Звёздный флот»? – нахмурившись, переспросил лётчик.

– Ой, извините, заболтался от нервов. Это фигурально. «Звёздный» – значит лучший.

Левоневский с интересом пощупал необычную ткань, спасшую самолёт от катастрофы. Его удивил преступник. Понятно, что хотел скрыться в Берлине от российской полиции. Это как раз объяснимо. Но геройство не укладывалось в характеристику. Такие люди в представлении коммуниста не могли бескорыстно спасать чужие жизни. Нет, конечно, Ленар прежде всего думал о себе, но заранее сшить особенную одежду? Как, каким способом он вычислил истребитель Морозовых? Эти факты выглядели крайне странно. Не может обычный человек обладать столь пронзительным умом. «А вдруг всё подстроено врагами партии, или ещё хуже – кайзером Германии! Вдруг ему донесли о ящиках с тротилом. Тогда зачем этот Ленар рискует не только своей жизнью, но и жизнью Андреевой? Или не желает брать в сердце, что порядочный человек не должен прикрываться женщиной! Однако редкий проходимец этот Ленар!» – заключил Зигмунд.

– И откуда возьмётся ртуть?

– Из библиотеки. Я там целую бочку оставил.

Стармех довольно крикнув, умчался заправлять турбину Шауберга.

– Так вы знали?

– Вот ещё, но предполагал! В Бирме такие скачки напряжения, что не поверите. Привык, понимаете ли, страховаться. Чёрная смерть, если сдохнет реактор, – вдохновенно соврал маэстро, довольный, что реквизит пригодился.

– Генератор, – поправил Зигмунд, протягивая штаны и куртку.

– Точно, генератор! Фимочка, будьте любезны, принесите спецовку нашему герою.

– Товарищ Ленар, вам так форма идёт, только планшета не хватает, – похвалила актриса новый образ маэстро.

– Извините, это уже перебор. Там документы, – остановил лётчик аппетиты террористов, застёгивая на магнитные пуговицы элегантный чёрный сюртук, мгновенно обнаруживший дворянское происхождение коммуниста.

– Полноте вам! И в мыслях не было, – успокоил маэстро. – Рулите смело. Я иду к моторам. Серафима, поторопитесь.

– Зигги, а мне ридикюль очень даже что и подойдёт, – неожиданно обнаружилась Жу-Жу, до сих пор прятаясь от авиакатастрофы в глубоком кресле под пледом из шерсти альпака. Преображение любовника вызвало женскую зависть. И самое первое что пришло в голову, это мысль, что всегда хотела иметь безумно дорогую английскую сумку с надписью Stephen Fry. Цвет «благородной» тафты идеально подходил к новому платью, которое выпросила у Зигги перед полётом в Берлин.

– И что дальше?

– Как что? Потребуй в обмен на планшет.

– Там документы.

– Вот ещё, какие такие документы? Тебя и так все знают. Я переложу к себе.

– Не смей. Могу заменить Житомир на Кёнигсберг.

– Слушай, как с тобой трудно, Левоневский, – упрекнула Жу-Жу. «Ну вот как она будет выглядеть на приёме в посольстве? Вот как? А если сам кайзер захочет встретиться со знаменитым лётчиком, а она будет с пошлой, мещанской сумочкой от „Зари Коммунизма“. Фи, фи, фи! Ой, какой замечательный ридикюль. Он божественен! Такое чудо. А что, под него можно

будет попросить у Левоневского и новые туфельки, и манто из шиншиллы, да мало ли. Ведь нельзя хорошую вещь носить с чем попало. Нет определённо этой ошипанной Андреевой он больше не подходит. Морозова убила! Господи, это ведь надо! А ещё актриса, прима, и такие страсти. Наверное, это всё из любви к иностранцу. Сапрыкин он что, он пустое место. Всегда на вторых ролях. Конечно, ему было приятно играть в карты на Андрееву. Ещё бы! А здесь иностранец. Одни ботинки в пупырышках чего стоят, тоже модельные, опять же фуражка, – она взяла за козырёк, чтобы рассмотреть кокарду. – Странная штука. Платина, что ли? Ракета с надписью, звёзды. Ой, они алмазные! Теперь понятно, почему Андреева ухватила за него – принц какой-нибудь или шейх. Тогда и вовсе ничего не теряет, если подарит эту сумочку, вот совсем ничего. Опять подцепила богача! А мне, как назло, всегда только полярные лётчики достаются», – она нежно погладила бритый затылок любовника, надела фуражку, поправила.

– Знаешь что, Левоневский, не снимай. Тебе очень идёт. Просто шикарная вещь! – поцеловала, и осторожно забрав планшет с крючка за спиной командира, упорхнула в направлении библиотеки.

Скушав последние литры бензина, восемь авиамоторов М-34ФРН, одновременно чихнув, замерли. Неподвижные винты со свистом начали резать плотный воздух острыми краями. Прямо по курсу вытянулись в линию бетонные плиты Ходынского аэродрома, разделённые на длинные прямоугольники настырной луговой травой и нежными ромашками. В самом начале лётной полосы хлопал тканью красно-белый колдун⁶, указывая направление ветра. Но сейчас оно, это самое направление, не имело ровным счётом никакого значения для пилота, решившего приземлиться. Воробьи, мирно чирикавшие рядом с ангарами, дружно смолкли. В наступившей тишине из-за облаков послышался нарастающий вой, за которым появилась огромная серебряная птица с алой надписью на широких крыльях: «Максим Горький».

---

⁶ Колдун – красно-белый чулок на небольшой опоре расположенный неподалёку от взлётной полосы аэродрома.

Глава 5 Катастрофа Левоневского

Окрашенное в банановый цвет здание МУСа (Московский Уголовный Сыск) располагалось в Малом Гнездиновском переулке. Напольные немецкие часы KIENINGER, подаренные купеческим союзом на Пасху, отсчитали последние секунды и замерли. Средних лет господин в гражданской тройке с ничем не выделяющейся внешностью, затрепал цепочкой, поднимая медные гири. Пунктуальным человеком действительный статский советник Порфирий Францевич Кошко себя не считал, поэтому заводил механизм, когда была настоящая необходимость. На этом утверждении и базировался его метод: брать в работу только осязаемые вещи, без всяких там дедукций и мудрствований. Конечно, он применял логику, без этого и вовсе нет возможности раскрывать преступления. Но вот изобретать пустые фантазии на основании всяческих там царапин и арестовывать, полагаясь на слабость человеческой природы – от этого увольте! Сыщик неизменным образом делал тонкую игру, смущая ум фигурантов настоящими угрозами и ложными фактами. Порфирий терпеливо вёл скрупулёзную работу по сбору улик и арестовывал, имея на руках неоспоримые доказательства. Наконец гири встали в верхнее положение, отчего латунные молоточки весело защёлкали по шестерням, отмеряя послеобеденное время. Начальник МУСа выставил стрелки по карманному хронометру Breguet, когда раздался деликатный стук.

– Входите, – разрешил сыщик.

Стремительным шагом в центре кабинета образовался дежурный с красной папкой для срочных дел.

– Что там у вас, голубчик, – по-отечески спросил Порфирий Францевич молодого чиновника в тёмно-зелёном мундире с малиновым кантом и безупречным по чистоте воротником.

– Вот-с, срочные донесения из Армавира и Ростова. Извольте. – Секретарь протянул листки бумаги с наклеенными для удобного чтения телеграфными лентами. Порфирий Францевич недовольно поморщился, водружая на нос пенсне в золочёной оправе.

– Так-с, так-с, – пробурчал вполголоса, читая прыгающий шрифт. – Давно?

– Только получили-с. «Максим Горький» терпит аварию. Пилот радировал, что на борту опасные террористы. Да-с, ещё звонили из Санкт-Петербурга. – секретарь показал глазами на потолок. – Интересовались убийством Морозова. Вот статья из Ростова, – он протянул копию газеты «Гудок Кубани», полученную из оптической машины Артура Корна.

– Только этого не хватало! Вот кто успел донести? Немедленно городских на выезд. Чувствуется, крупная птица летит, – распорядился сыщик, взяв из рук расторопного секретаря котелок, поспешил к платформе на чугунном столбе, которая под его весом поехала вдоль мощной гребёнки в гараж, поднимая взамен себя пустую.

«Да-с, задачка со многими неизвестными. Из фактов: убит, точнее, злодейски зарезан фабрикант Морозов таинственным господином в компании с фавориткой Андреевой. Однако! Громкое дело может получиться. Ещё этот Левоневский, первый лётчик социал-демократов. Императору успели доложить. Пресса раздует скандал непременно, если не поторопиться. Можно сказать, повезло с плакатами: Убийство фабриканта! Террор в небесах!» – Порфирий придирчиво осмотрел шеренгу городских, вытянувшиеся перед начальником с круглыми от усердия глазами. Положив руки на трость с набалдашником в виде головы легавой, приказал:

– Брать исключительно живыми. Фельдфебель, держите портрет, чтобы все натвердо запомнили, каждую чёрточку, – протянул копию газеты. – Внимательней смотрите. Наверху ждут успешного разрешения дела. Не подведите, братцы. Бить можно, но не по физии. Субчиков приказываю доставить в потребном виде. Внимание! Насчёт девицы: член боевой организации, аккуратней, может стрельбу открыть. Ридикюль изъять сразу. Ну-с, с Богом! – сыщик сел рядом с шофёром и махнул рукой. Новенькие грузовики «Руссо-Балт», заполнив двор

облаками пара, рванулись к Петербургскому шоссе. Москвичи, слышав клаксоны, убегали в стороны, боясь попасть под колёса чёрных машин с городскими, вооружёнными карабинами системы Мосина.

Порфирий прекрасно понимал, что от раскрытия необычного преступления напрямую зависит его репутация, коль сам император проявил интерес. В донесении говорилось, что смерть имеет мистический оттенок. Он задумался: «Свидетели утверждают, что самолично видели приземление воздушного аппарата в языках голубого пламени. В этот же день совершается дерзкое убийство в театре. Слишком много фактов, чтобы поверить в стечение обстоятельств. Слишком много. Опять же, взять атаку Ньюпорта? Пилот доказал под присягой, что расстрелял весь боезапас, а „Максиму Горькому“ всё нипочём! Каково! В Москве своих мазуриков хватает, чтобы ещё привечать душегубов из глубинки, да ещё таких нестандартных. Ну да ладно, сейчас всё закончится, осталось совсем чуть-чуть, и загадочный убийца будет допрошен со всем пристрастием».

Петербургское шоссе заполнил самый разнообразный транспорт: дуксы, форды, минервы, кадиллаки – спешащие в направлении Ходынского поля. Порфирий приказал увеличить скорость, понимая, что любопытные обязательно будут путаться под ногами. Как не спешили – на поле собралась порядочная толпа зевак. Охрана доложила, что всему виной радиолобители, пустившие слух о крушении «Максима Горького»

– Чёртовы радисты! – выругался Порфирий. – Сигналь, сигналь! – потребовал от полицейского, звонившего в бронзовый колокол, чтобы разогнать толпу.

В небе показалась блестящая точка, быстро выросшая в гигантского серебряного альбатроса с алой надписью на крыльях. Зеваки бросилась в стороны, освобождая посадочную полосу. «Газовка»⁷ пыхнула белым облаком пара, готовая немедленно мчаться к месту крушения. Двухметровые колёса шасси задымилась, оставляя на бетоне чёрные дорожки горелой резины. Несмотря на старания пилота, гигант вылетел далеко за взлётную полосу, сочинив в земле капитальную траншею. Через мгновение раздался оглушительный взрыв и повалил дым. Из разбитого окна кто-то начал махать фуражкой, зовя на помощь.

Порфирий Францевич, придерживая котелок, побежал во главе отряда, стремясь во что бы то ни стало захватить преступников, пока они не скрылись в толпе добровольцев с баграми и вёдрами, бросившихся спасать экипаж.

– Держи, братцы, вон того с фуражкой и дамочку, дамочку непременно! – кричал сыщик в спины подчинённым.

Расталкивая доброхотов, крепкие полицейские вывели из самолёта преступника и вздорную женщину в блестящем платье, которая отбивалась от блюстителей порядка увесистой сумкой. Мужчина в элегантном сюртуке, вытирая с лба обильную кровь, безуспешно пытался урезонить воинственную спутницу:

– Жу-Жу, прекрати, сейчас всё разъяснится. Это форменное недоразумение. Господа, вы совершаете большую ошибку. Обещаю всем вам крупные неприятности.

Фельдфебель, в целях профилактики, дал скандалисту кулаком в солнечное сплетение. Отчего грозный товарищ замычал в безуспешной попытке сделать полноценный вдох.

– Ваше Превосходительство, не по лицу. Всё в точности. – Полицейский тряхнул задержанного за плечи и пригрозил: – Поговори мне ещё.

– Ведите в автомобиль, потом разберёмся. Дамочку обыскали?

– Вот. – Фельдфебель протянул браунинг, описанный в телеграмме. – В ридикюле был.

– Милейший, пальчики, пальчики! У вас руки в копоты! – упрёкнул сыщик.

---

⁷ «Газовка» – пожарная машина для подачи первой струи. На такой машине размещали небольшую (до 500 л) цистерну, баллон со сжатым воздухом или углекислым газом. За непродолжительное время действия такой машины, бойцы с огнём успевали запустить в работу другую технику.

– Не извольте беспокоиться. – Жандарм быстро вытер пистолет о мундир и протянул за ствол вещественное доказательство.

– Недавно в сыске? – с участием спросил Порфирий.

– Месяц, до этого пять лет в Туркестане, – бойко рапортовал фельдфебель.

– Вижу, что в Туркестане, – констатировал Порфирий, отметив загорелое лицо полицейского. – Всех задержали? – поинтересовался уже без особой надежды на внятный ответ.

– Никак нет, от скандала разрешил сестре милосердия отвести Левоневского в госпиталь. С ним городской. Из механиков никто не спасся, все до единого погибли от взрыва.

Уже не раз Порфирий Францевич обращался к министру с предложением создать в Москве учебное заведение для низших полицейских чинов, но, как всегда, средств на столь нужное для империи дело не могли обнаружить. А вот на агентов Третьего Отделения, это всегда, пожалуйста, огромные суммы уходят. Как результат: «Не извольте беспокоиться», «Никак нет». Самое интересное, что и наказывать-то не имеет никакого смысла. Что можно спрашивать с туркестанского полицейского, кроме выпученных глаз, – правильно, абсолютнейшим образом ничего!

***

Задержанный Левоневский высокомерно окинул взглядом следователя, вовсе не принимая к себе положение, в котором находился. Более того, могло показаться, что именно он производит допрос. Отчего Порфирию мгновенно захотелось стащить небожителя с облаков на дубовую табуретку Московского Сыска.

Отпустив конвоира кивком головы, включил телеграфон. Медленно побежала тонкая стальная проволока, записывая при помощи электромагнита допрос задержанного.

– Итак, вы утверждаете, что являетесь Левоневским Зигмундом Альфредовичем, членом РСДРП?

– А что? Может быть по-другому? – ответил с усмешкой знаменитый лётчик, поправив марлевую повязку на голове. Ему представилось, как геройски будет выглядеть на фотографиях в газетах.

– Не исключено. Угощайтесь, – Порфирий протянул именной портсигар с гравировкой на крышке: «Международный съезд криминалистов в Швейцарии». Конечно, личность авиатора он установил, но требовалось получить из ситуации максимум выгоды, прояснить все детали досконально, до мельчайших, так сказать, подробностей.

Левоневский закурил от водородной зажигалки Cartier и глубоко затянулся, чтобы утолить никотиновый голод, от которого страдал уже несколько часов в холодной камере изолятора.

– Что вы имеете в виду?

– Самолёт сгорел полностью, нет ни одного документа, подтверждающего вашу персону.

– Так выясняйте. Занимайтесь своей работой, наконец! – раздражённо потребовал лётчик.

– В протоколе сказано, что самолёт захватили террористы? Однако, механики это отрицают. Ничего подобного не видели.

– Вот у них и спросите, кто я такой, – продолжил играть характером Левоневский.

– Спросим, можете не сомневаться. А сейчас объясните, пожалуйста, что это за материал такой на вашем сюртуке. На нём нет ни единого пятнышка крови. А с вас вон как текло. – он указал форменную рубашку в бурых пятнах, – Фуражка новёхоньякая, как только из магазина. И всё это после жуткой катастрофы.

– Говорю вам, мне их дал террорист в обмен на штаны. Можете спросить у старшего механика.

– Что вы мне всё: механик, механик! – вдруг закричал Порфирий Францевич. – За себя отвечайте! Что за бред такой – меняться штанами! Вы хоть слышите свой лепет?

– Не менялся, а подарил, по просьбе, винтом в лоб, стармеха! – шумно дыша от нервов, объяснил Левоневский.

– Каким таким: «винтом в лоб»?

– Присказка у меня такая, чтобы не ругаться в приличном месте. Хотя здесь, я думаю, будет кстати.

– Хорошо. Ничего не понимаю! Вы дарите террористу штаны в обмен на что? На сюртук. Это зачем во время аварии, когда каждая секунда на счету?

– Взамен утраченных, которыми он заделал пулевые отверстия.

– Вы сами верите в подобные небылицы? Как можно бак из железа отремонтировать тряпкой?

– Этот фокус и для меня тайна. Однако, залатал и преотлично, иначе я не имел бы удовольствия наслаждаться беседой с вами.

– Язвите? Напрасно. В вашем положении надобно поскромней себя вести.

– Если это допрос, то весьма и весьма странный. Я совсем не понимаю, что хотите узнать.

Спрашивайте по существу.

– Это вы убили Савву Морозова? – неожиданно перевёл разговор дознаватель.

– С какой стати? Что за фантазии? – возмутился Левоневский.

– Отпираетесь. А ваша подельница во всём созналась: как усыпила бдительность любовника, и как застрелили несчастного из своего револьвера.

– Любовника?! Вы кому такое говорите – коммунисту? Коммунист никогда не станет резать глотку из-за денег!

– Вот вы и сознались. Откуда известно, что Морозова зарезали? В прессе такого не печатали. Смотрите, пожалуйста, – Порфирий бросил на стол «Московские ведомости» с портретом Морозова в чёрной рамке.

– Из газеты «Гудок Кубани».

– Какой такой газеты? Где она у вас?

– Осталась в куртке, которую отдал иностранцу.

– Вместе с личным оружием для достоверности. А ещё коммунист!

Левоневский поперхнулся и растерянно посмотрел сначала на следователя, потом в пыльное окно с кованной решёткой, сквозь которую виднелись курлыкающие сизари на обитом цинком подоконнике. «Отдать бандиту личное оружие – это верный трибунал! Грозит исключением из партии и прощай небо – промелькнуло в голове у лётчика. – А газету, кто сейчас поедет в Ростов. Это ведь не Санкт-Петербург!»

Порфирий с удовольствием наблюдал эволюции на физиономии задержанного. Наконец-то он заставил волноваться полярного лётчика. Теперь необходимо задать несколько вопросов этой самой Жу-Жу. Джульетта Сапрыкина по мужу. Следователь перешёл в смежную комнату, оставив задержанного читать газету.

Джульетта с мольбой подняла заплаканные глаза.

– Отпустите бедную женщину. Я уже всё рассказала. Сколько можно допрашивать?

– Ещё несколько вопросов. Держитесь, совсем чуть-чуть осталось. Вот попейте сладенького. – Сыщик поставил дымящийся чай в бронзовом подстаканнике «Охота». – Итак, всё подтвердилось с револьвером. Левоневский во всём сознался. Но остался один и весьма неприятный вопрос. Откуда у вас появился браунинг? Ничего не могу поделать с этим зловредным фактом. Поймите, он занесён в протокол. Здесь я бессилен. Нужно просто твердокаменное объяснение.

– Сумочку я обменяла на планшет. А что в этом такого? Откуда я знала, что там лежит эта железка? Времени не было совсем. Самолёт начал приземляться, а ридикюль был такой замечательный. – Жу-Жу, несмотря на своё положение, мечтательно зажмурилась.

– А то, что в нём украденные деньги. Это как?

– Очень жаль. Но откуда я знала?

– А вот любовник утверждает, что это ваш план: ограбить Морозова и улететь в Берлин. Что теперь скажите?

– Абсурд какой-то. Да и не смогу я. Любой подтвердит, что я крови боюсь.

– И что с того? Факты, факты говорят об обратном. Вот показания Левоневского и браунинг с пачками купюр. Присяжные должны принять к оправданию ваше: «Очень жаль»? Признавайтесь, кто убил! – вдруг сорвался на крик Порфирий.

– Левоневский сказал, что террористы, – пропищала напуганная Жу-Жу.

– И ещё Соловей-разбойник с царевной Несмеяной! Отправлю этапом на каторгу, там будите небылицы рассказывать! Сидельцы любят истории.

– Ой, вы обещали, что поможет. А теперь передумали?

– В неприятную историю, мадам Сапрыкина, вы угодили. Вот бумага, теперь пишите, как резали Морозова, и в деталях.

– Тогда точно попаду на вашу противную каторгу. Да и не знаю, что писать!

– Я, кажется, обещал помочь. Что, решили самолично выпутываться? Или будете работать со следствием, или пеняйте на себя. Здесь я единственный человек, который заинтересован в вашей судьбе. Левоневский сразу отказался, как только услышал фамилию. Вы ему случайная знакомая. Пишите, не отнимайте у меня время!

Сапрыкина решила на последнее средство в своём арсенале – заревела. С камерой она уже познакомилась, многочасовой допрос выдержала, и поняла, что сил её дамских больше нет ни разу – надо реветь, вдруг поможет. Пару раз всхлипнув для разминки, затем упала на стол, сотрясая безутешным горем чернильницу непроливайку, начавшую выбивать мелкую дробь от сочувствия к арестантке. Дышать в крашенные суриком доски, отдающие табаком и ещё какой-то неизвестной кислятиной, было неприятно, но запах помогал держать нужный темп между всхлипами.

– Хорошо, хорошо, только не плачьте. Вот подписывайте протокол и можете передохнуть, – согласился следователь, выдержав для приличия продолжительную паузу. Забрав опросный лист с торопливым автографом Сапрыкиной, Порфирий вернулся к Левоневскому, который вновь принял независимый вид, сочинив себе мысль, что высокий покровитель скоро обнаружится, узнав о трагедии. Нужно только потянуть время, день-другой и раздастся спасительный звонок.

– Всё, утром заседание суда. А дальше пересыльный пункт и каторга, – с довольным видом сообщил Порфирий.

– Подождите, это почему? А как же следствие? – растерянно промямлил Левоневский, не ожидавший такой скорости в московском судопроизводстве.

– А оно, товарищ коммунист, закончено! Вот показания механиков, все не в вашу пользу. – Сыщик потряс пачкой исписанных протоколов. – А вот Сапрыкиной! – Показал лист с мелким почерком и каплями слёз. – Не отвертитесь! Да-с! – Потёр руки, как человек, удачно разрешивший трудную задачу. Следователь со значением посмотрел на городского:

– Голубчик, сделайте с оттягом для вменяемости. – Крупный полицейский приподнял лётчика за шиворот и, ударив в живот большим волосатым кулаком, заботливо опустил мычащего от боли заключённого на тюремный табурет.

– Улики налицо: ридикюль с деньгами и револьвер. Не знаю, на что вы рассчитывали, когда решили ограбить Морозова, но каторга вам обеспечена, а может быть и расстрел, как хладнокровного убийцы.

– Вот стерва, – процедил сквозь зубы Левоневский.

– Это надо рассчитывать, как согласие на работу со следствием?

– Констатация факта. Но чтобы ещё и механики отпихнулись! – воскликнул с негодованием лётчик. Впрочем, породистый поляк никогда не строил иллюзий насчёт так называемого «пролетариата». Одно дело, специалисты, пусть и низкого происхождения, но с образованием, и совсем другой винт – рабочие из реальных училищ. «Реальных» – этот латинизм вызывал у него стойкое неприятие. Такое название могли придумать только для ограниченных людей. Левоневский ничуть не презирал всяких там рабочих. «Вовсе нет! Что за ерунда! Полная глупость!» Он и представить-то себе не мог, что бы делал, окажись один на один с заглохшим двигателем. «Конечно, для obsługi нужны механики. А как без них! Очень даже что нужны! Его дело – управлять самолётом. Но попробуй объясни тупым пролетариям, что пилот может быть только один».

Никогда не захочет обычный человек примериться с убогим будущим, зная о существовании лётчиков. Ведь вот они сидят в чистой одежде за штурвалами, а механикам приходится ютиться у плюющихся маслом моторов.

«Вот, пожалуйста, по глупости заклепали все двери. Конечно, они не видели, как мне угрожали пистолетом. Наоборот, террорист стал спасителем. Попробуй объясни убогим, что немецкие товарищи ждут так нужный им тротил. Который, кстати, теперь не получают, благодаря этому герою в трусах, будь он неладен», – чертыхнулся про себя Зигмунд и спросил примирительным тоном:

– Что вам от меня нужно?

– Другое дело, милейший! Сейчас подписываем протокольчик, а дальше формальности. Поверьте, для вас теперь все неприятности в прошлом. По крайней мере здесь, в этом кабинете.

– Что будет с револьвером?

– А что с револьвером? Исчез безвозвратно в огне пожара. Выдам официальный документ, справим в лучшем виде, можете не сомневаться. Вот ознакомьтесь. – Сыщик дал стопку бумаг и распорядился принести чай. Подследственный благодарно захлопал горячим напитком, внимательно читая протокол с убористым почерком. Перевернув очередной лист, обнаружил гербовый бланк, текст которого поверг в замешательство.

– А это что?

– Пустая формальность. Договор о сотрудничестве. Ничего существенного. Иначе, сами понимаете, нет никакой возможности спасти вас из этой катавасии. Никому нет нужды держать вас в тюрьме. Говорят, в авиаотряде большая конкуренция. Уверен вам не помешает помощь государства. Подписывайте без сомнений, можете не беспокоиться, это никуда не пойдёт. Так, для отчётности и только.

Поставив торопливый росчерк, Левоневский брезгливо отодвинул неприятный документ, который Порфирий Францевич немедленно запер в сейф, щёлкнув ригелями, как гильотиной.

– Что дальше?

– А дальше рассказывайте в деталях, как убивали Морозова и куда делись остальные деньги? Припрятали на чёрный день? В ридикюле нашли только половину суммы, по-видимому, Сапрыкиной. А где остальное, где ваша доля?

– Что? Сапрыкиной! Это кто?

– Бросьте дурачиться! Ваша Жу-Жу и есть Сапрыкина. – Порфирий Францевич с негодованием захлопнул папку. – Филькина грамота эта история! Или думали, что я возьму на веру цирк со штанами!

– Я их подарил!

– Спорите? Городовой! – Огромный полицейский сделал шаг с поднятым кулаком.

– Всё, прекратите, хотел уточнить! Диктуйте текст? – согласился Зигмунд вовсе не от страха. После подписания договора о сотрудничестве играть в гордость уже не имело никакого смысла.

– Значит, этот субчик говаривал на языке инородцев, а актриса переводила? – сменил вымпел следователь, заметив опущенные плечи героя авиации.

– Да.

– А что за язык был. Вы ведь летали за границу. Американский?

– Такое впечатление, что мещанский жаргон: любит иностранные слова, везде пытался ввернуть. Понять можно только с переводом Андреевой.

– Поразительно! Значит, полагаете – жаргон! Шайка, одним словом... Что ещё запомнили?

– Обещали выйти в Берлине.

– Ну это как раз объяснимо. Хотели сбежать за границу после убийства. Вот чего я не понимаю, зачем выбросил деньги? Всё-таки вы в сговоре?

– Прекратите шантажировать! Я и так в вашей власти! Только не мечтайте себе, что буду молчать. Обязательно доложу Ульянову о ваших методах.

– Это, пожалуйста. Не забудьте рассказать, как вооружили убийцу личным оружием. Эта часть ему особенно понравится. Про кожаные штаны можете опустить.

– Вам никто не поверит!

– Это вы напрасно так думаете. Показания вот они. – Сыщик постучал по телеграфону, начавшему скрипеть от продолжительной работы. – Всё записано на металле. Так-то. Вы, батенька, зря пылите. Теперь, пока не изловим этого иностранца, придётся подчиниться моей воле во всём или под арест до окончания следствия. Здесь ничего не попишешь, такие дела! А сейчас, извините, отправляйтесь в камеру для вашего же блага.

Довольно ля-лякая партию Фигаро из «Севильского цирюльника», Порфирий Кошко написал печатными буквами на катушке с допросом: «Левоневский Зигмунд Альфредович» и положил в сейф. Сделав паузу, необходимую для полноценного вдоха, отбил по зелёной столешнице окончание арии:

– Та-да-тата. Та-да-тата. Та-да.

Глава 6 Побег из Москвы

От удара о землю крылья гиганта пропаганды отвалились под тяжестью моторов Авиапрома. Искры, неизбежные в подобных обстоятельствах, мгновенно воспламенили пары керосина в пустых баках. Горячее дыхание умирающего корабля свернуло ресницы в хрупкие колечки. Ленар, схватив Фиму под мышку, выждал, когда закончиться бетонная полоса, и прыгнул в стремительно надвигающуюся траву. Ударившись о землю, вскрикнул от пронзительной боли и потерял сознание. Очнулся оттого, что упорно полз от пылающих обломков в сторону полосатого колдуна. Серафима заботливо убрала крепкий стебель высохшей полыни, в который упёрся лбом маэстро.

- Как наши успехи? – подал голос жизни, перевернувшись со стоном на спину.
- Власти городского выделили, чтобы вас доставить в госпиталь.
- Здоровый?
- Вполне, шкаф!
- А что с пилотом?
- Не знаю, но вот ридикюль его барышня успела вырвать в последний момент.
- Ага, значит, опять без фантиков-билетиков.
- Не совсем. На Париж хватит.

Серафима показала туго набитый планшет. Она не стала рассказывать, как отняла его у доверчивой Жу-Жу, предложивший обмен. Ей до чёртиков надоело таскать тяжёлый ридикюль с пачками ассигнаций. Вполне здраво придумала разделить деньги, и вот как в воду смотрела: настырная Жу-Жу подкараулила в коридоре, когда маэстро, словно обезумевший медведь, тащил Серафиму к выходу.

Ленар перевёл взгляд на блюстителя порядка, ничего не понимавшего из диалога на тарбарском языке, и строго спросил:

- Господин полицейский, у вас дети есть?

Благодаря куртке с шевронами городской принял раненного за пилота РСДРП.

– Обопритесь на меня, товарищ Левоневский. Сей минут найдём транспорт и мигом в госпиталь.

– Идёмте. – Ленар обнял крепкую шею, похожую на ствол дерева, и согнул ногу, из которой торчал белый осколок. – Так, говорите, дети есть?

Богатырь в мундире взял под рёбра так, что маэстро издал качественный стон.

- Конечно. Как без них.

– Отлично, значит умеете носить раненых лётчиков, – с серьёзным лицом похвалила Серафима, успевшая привыкнуть к самоиронии Ленара.

Истолковав слова актрисы в буквальном смысле, полицейский вовсе подхватил маэстро на руки и побежал к автомобилю. Добровольцы помогли погрузить знаменитую личность в пассажирский «Дукс», который помчался, непрерывно сигналив, прочь от растерзанного Ходынского поля.

Часы работали против недельного тура в Париж. Требовалось срочно бежать из города: во-первых, чтобы успеть к сроку, во-вторых, совсем не хотелось садиться в местную тюрьму за убийство и грабёж. Чтобы избавиться от полицейского, ставшего невероятно заботливым, маэстро у дверей госпиталя выделил ассигнацию в пять рублей на таксомотор, потребовав отдать лично в руки начальнику сыска документ международного значения. Благо в планшете, кроме денег, обнаружился конверт на немецком языке. Хозяйственная Серафима упрекнула:

- Он и так доложил бы по телефону.

– Эх, Фимочка, смотрите, что в городе твориться – Вавилон, доберётся нескоро. Позвони из госпиталя, и комплект сиделок в форме обеспечен. На таких рельсах любой скорость поте-

рывает. – Ленар оглядел больничный покой с выбеленными известкой стенами и потолком. – Где выход из богадельни?

– У вас нога сломана, – напомнила Серафима, вовсе не понимавшая, каким образом можно ходить с подобной травмой.

– Да?! То-то понять не могу, зачем гипсовую повязку доктор сочинил. Купите морфию в аптеке.

– Вы скала!

– Хо, теперь можно смело выбросить наркотики. Чаще говорите подобные штуки, и тогда на Монмартре закрутятся круассанами в шоколаде.

– Случайно, не морфинист? Какой Монмартр? Мы вроде в Берлин летели?

– Какая разница, когда везде Европа? Что за вопросы? Рядом с вами любая химия теряет градус. Самолёты отбрасывают крылья за ненужностью! Тут или морфия, или тюрьма. Ловите такси и стойте у ворот. Времени решительно нет. Забыли гонца с письмом счастья? Заметив на лице актрисы сомнение, поторопился: – Бегите уже. Я здесь сам управлюсь.

Стиснув зубы от боли, маэстро запрыгал на одной ноге из палаты. В коридоре от стола поднялась монументального телосложения дежурная сестра.

– Больной, вы куда?

– М-м, – промычал маэстро, показывая на причинное место

– А «утка» на что? – Женщина в белом халате протянула эмалированное чудовище со стальным хоботом. Ленар крепко зажмурился и энергично замотал головой, отказываясь от настойчиво предлагаемой «утки». Сестра с жалостью посмотрела на бестолкового больного. Маэстро начал объясняться на интеркоме:

– Мне в Париж надо. Чем скорее, тем лучше. Париж, Франция, хорошо?

– Француз, что ли? Ни бельмеса не понимаю, что лопочешь. Тебя в «Кашенко» надо вести, в психиатрическую. У тебя сотрясение вот и бормочешь не по-нашему. – Бдительная сестра недовольно убрала «утку» под стол. Ленару ничего не оставалось, как провести сеанс мгновенного гипноза, чтобы достучаться до разума бдительного медработника. После магических пассов глаза женщины, потеряв стальной блеск, приобрели осмысленное выражение. Тогда маэстро по-свойски спросил:

– Ой, разрешите по старинке. Дайте координаты ватерклозета сбитому лётчику? – Виногато улыбнулся, превозмогая аварийные сигналы из перебитых нервных окончаний в голени: – Кстати, знаете, только благодаря вам, мне удалось подняться с койки?

– Это почему?

– Захотелось услышать доброе слово. Я сразу понял: у вас отзывчивое сердце.

– Сами дойдёте? – спросила женщина внезапно потеплевшим голосом.

– Просьба – вколите обезболивающее, иначе я прям здесь обдуюсь от счастья.

– Подождите, сейчас что-нибудь найду в процедурной.

– Терплю, – скорчил благодарное лицо маэстро.

Как только дежурная сестра исчезла за стеклянной дверью, затопал к выходу, бросая на пол крошки свежего гипса. У ворот стояла Фима рядом с французским кабриолетом Daugas из Товарищества Автомобильного Передвижения.

– Купила?

– Держите. – Фима протянула бикс со стеклянным шприцем, уже наполненный морфием. Заметив удивлённый взгляд водителя, маэстро объяснил:

– Уезжаю в Париж. Стыдно до слёз. Начинаю осваивать ностальгию иммигранта.

Фима перевела на свой манер:

– Иностранец, они все с приветом. Нога у него сломана. Страдает... На Александровский, пожалуйста.

Кто-нибудь может объяснить, зачем надо сигналить на скорости 40 километров? Ну если не видеть спидометра! Ленар, например, не знал совсем. После укола морфием боль отступила, действительность приобрела милые черты наркотического безразличия к самооценности жизни. Дорога превратилась в бесконечную узкоколейку от Военного госпиталя в Европу с длинными гудками нервного машиниста. Подъехали к зданию с картушами на фасаде. Маэстро в качестве живого трупа упал на скамью рядом с железнодорожными кассами. Действие морфия в организме с ускоренным метаболизмом быстро потеряло целебные молекулы. Чтобы отвлечься, маэстро спросил:

– Фимочка, это уже Париж?

– Что вы, товарищ Ленар, – Москва. Я узнала: билеты есть только до Бреста.

– И что варианты?

– Ну там пересядем и вперёд на берега Сены.

– Ага, в карету с решётками на окнах.

– Это почему?

– Ждать будут, двести пуль в затылок. Левоневский наверняка уже поёт кенаром о музеях Берлина. Сыску останется сложить все билеты, чтобы поднять полицию Бреста. Смотрите на карту, – он показал на схему, повешенную рядом с кассами, на которой железная дорога из России в Европу шла через Брест.

– А зачем мы тогда сюда приехали? – вполне логично спросила Серафима, забыв свой маршрут.

– Если бы я знал! Но теперь и к лучшему – отпилим хвост. Звоните в похоронное бюро, помирать буду, всё, сил нет ни разу.

– Вы меня пугаете. Это нервная горячка. Надо связаться с центром.

– Чтобы навести на боевых товарищей жандармов? Нет, сейчас едем в Азию, там никому в голову не придёт искать столичную приму. Вызывайте катафалк и купите шляпку скорби с чёрной вуалью, – Ленар отлично понимал, что шофёра такси уж точно допросят, но вот дальше московским сыщикам придётся с лупой изучать маршрут катафалка по улицам Москвы.

Прибыл транспорт печали, украшенный скорбящей нимфой над стеклянным постаментом. Небритый водитель в чёрной ливрее поинтересовался у Фимы, раскатистым басом:

– Где покойник?

– Вот его надо доставить багажом в Казань, – Серафима подвела к лётчику дальней авиации, страдальчески закатившего глаза, как на последнем причастии. Гробовщик невозмутимо достал складной деревянный метр и обмерил габариты покойника, бесцеремонно разложив на сиденье. Когда Ленар застонал от боли, недовольно прикрыл источник скандального звука ладонью, пахнувшей курительным табаком. От крепкого турецкого духа нежные бронхи Ленара разразились приступом кашля.

– Подходяще, – заключил гробовщик, убирая метр в карман. – За эксклюзив двойной тариф, – потребовал, со значением прочистив ноздри трубным звуком валторны на ближайшую клумбу.

– А в чём эксклюзив? – попробовала торговаться Фима.

– Так он же суетный. Вона, как трясётся. А я к смирным покойникам привык. Вишь, нога не сгинается. И распрямить нельзя – кричит зараза. Как его в гроб-то укладывать? Может тюкнуть по черепу киянкой? У меня есть. И вам спокойнее: доедет до самой Казани в лучшем виде без трепыханий.

– Идея хорошая, – вежливо согласилась Фима, чтобы поддержать обстоятельный разговор специалиста. – Может, у вас попросторней тара есть?

– Стандарт не устраивает? – Гробовщик снял цилиндр и почесал затылок грязной пятернёй: – Могу, конечно, съездить за другим, но это время, плюс ещё два тарифа. Нет, три: высокий гроб будет дороже. На нём материала больше.

Догадавшись, о чём речь, Ленар дёрнул Фиму за рукав.

– Соглашайтесь уже, я приспособлюсь на боку. Нельзя медлить.

Гробовщик уставился на «покойника» и заметил:

– Он ещё и балакает не по-нашему. Я говорю суетный. Три тарифа или уезжаю прям щас!

– Поможете определить в багажный вагон, и по рукам. Половину сейчас, остальное на месте, – согласилась Фима, устав от мелочного торга.

– Киянку принести? – решил продать свою идею гробовщик.

– Нет, я ему морфий вколю и огурцом поедет в Казань, – успокоила Фима, поднимая крышку гроба, в который с чертыханиями залез «покойник» на виду любопытной вокзальной публики.

– Ого, как у вас благородных! Всё с форсом, с химией. Боятесь, что покойничек сбежит? Хе, хе, – пошутил водитель, обрадованный удачным торгом.

– Вот именно что боюсь. Вдруг и взаправду сбежит.

– Дело ваше, – пробасил гробовщик, открывая клапан. Локомобиль для начала тронулся назад, потом передумав, устремился в сторону Каланчёвской площади, оглашая улицы траурной музыкой Шопена из рупорных динамиков по сторонам машины.

– Это обязательно? – крикнула Фима между ударами барабана.

– Входит в прејскурант. По высочайшему указу должны услаждать горожан во время траурных процессий, – не оборачиваясь, ответил водитель, густым басом.

– А-а, ничего. Трогательно. Есть драматичная нотка, – согласилась Фима, не желая нарушать обычный манер печального ритуала из соображений конспирации.

***

Порфирий Францевич в приподнятом настроении разглядывал в лупу золотую монету, только что доставленную почтовой службой прямо из Нигерии. Аверс, реверс – всё в отличном состоянии, но, главное, это гурт, узор соответствовал фотографии! Охота за нумизматической редкостью окончена. Наконец-то можно будет заполнить давно приготовленное для этой красавицы место в альбоме «Звёзды Нигерии». Раздался зуммер внутренней связи. Сыщик снял белые перчатки.

– Слушаю. Ого, немедленно ко мне.

Вбежал дежурный чиновник.

– Здесь?

– В полном виде.

– Ага, ну что ж, пригласите. Послушаем.

Городовой с медалями за отличную службу вытянулся перед начальником, держа большие крестьянские руки без мозолей по швам.

– Докладывайте, – Порфирий показал распечатанный конверт. – Как такое могло получиться? – Бросил на стол чистый лист бумаги.

Прочитав текст настоящего письма, Порфирий пришёл к выводу, что необходимо скрыть опасное содержание. Любой мог донести в Третий Отдел, ведь успели доложить о смерти Морозова! Громкое убийство обрастало новыми фактами, которые требовалось приберечь до поры до времени. Стоит только заикнуться о подобной улике: дело немедленно передадут в жандармерию. А как он мог это допустить, ежели уже сам ведёт следствие? Конечно, нарушение, никто и не спорит, однако, нельзя же уступать жандармам? Здесь можно навредить. Они возьмутся искать политику и забросят уголовное дело. Разбойник им без разницы. Ну и что, что

известная личность зарезана! Как пить дать, спрячут в угол, если проклятые революционеры в деле. Тем более речь идёт о международном терроре.

Тротил взорвался при крушении «Максима Горького» – это главное! Берлин может спать спокойно, пока он не изловит загадочного убийцу. Тут не надо в счёты щёлкать, чтобы понять, что иностранец напрямую связан с Германией. Его персона – это ключ к головоломке. Стоит схватить и станет понятно, зачем убили Морозова, наверняка не из-за денег. Да какой смысл ехать в пыльный Армавир. Чуть несусветная! Вот этого господина жандармы точно не увидят! Иностранец в Санкт-Петербурге убьёт, ну в крайнем случае в Москве. Для подобной диверсии требуется подготовка, а когда бы он её сделал, если в один день уложился? Только приехал и, пожалуйста, клинок в горло, и где – в театре! Нет, нет, убийство со значением, это сигнал, точно, сигнал. Не может он передавать дело, это никак невозможно. Они всё испортят. А время будет упущено. В конце концов, на нём ответственность перед государем, коль интересовался. Здесь уголовное дело, в чём господина совсем не разбираются! Пусть постоит в сейфе письмо до нужной минуты, решил Порфирий.

– Не могу знать. Лётчик Левоневский самолично вручили со строжайшим приказом доставить лично вам. Не выпускал из рук ни на секунду.

«Вот новый факт: зачем передал письмо? Хотел о чём-то предупредить именно его? О чём? Тротил уничтожен, что дальше? И зачем нам в России беспокоиться о немчуре? А вдруг он намеренно подстроил крушения самолёта? Вдруг у него свой особенный план?»

– Хорошо, и где он сам?

– В госпитале со сломанной ногой.

– Нет его там.

– Разрешите самому привезти, – не согласился жандарм, уверенный в своей правде.

– Кого? Вы слышите, милейший, нет там никого. Сбежал.

– Шельма!

– Действительно, шельма. Как же вы так. Опытный полицейский и оформшмачились?

– Так кто думал, что на сломанной ноге в бега пуститься. Опять же – знаменитый Левоневский.

– Убийца и грабитель ваш лётчик. Так-то, батенька. Левоневский у меня под замком сидит, а это вообще самозванец с пропеллером. Прямо фантом какой-то. Действительно, мистика!

– Позвольте наблюдение?

– Просто необходимо.

– Дамочка носила через плечо тяжёлый командирский планшет, набитый под завязку. Было подозрение, что не по моде. Виноват, не учёл.

– Это факт! А фигурант-то ловкий, как мангуст. За ним смерть бежит с носилками, а ему всё нипочём. Что ещё необычного запомнили?

– Говорит на тарабарском. И совсем не понимает по-нашему. Поначалу думал, что польский. Теперь убеждён – совсем непонятный. Похож на блатной, но тогда совсем не наш. Залётный, одним словом. Точно!

– Да-с, мазурик заграничный. Здесь согласен.

– Филёры донесли: на Александровском видели парочку, – прокричал от дверей дежурный чиновник.

Снова застучали зубцы огромных шестерён, спуская платформу в гараж. Порфирий всё больше увлекался погоней. Одно дело, заурядный разбой, и совсем другое, когда охотишься за преступником международного калибра. Ведь вот он уже был почти в руках, и в очередной раз ускользает, и как! Просто Гарри Гудини какой-то. Уже не знаешь, что и ждать от прохвоста. То летит на аэроплане, то мчится в гробу. Не хватает подводной лодки и снаряда на Луну, как

у фантаста Жуля Верна! Но ничего, на всякого преступника у русского сыщика всегда найдутся свои шурупы, чтобы лишить подвижности.

Для начала опросили водителя катафалка из «Некрополя». Венки из крашенной бумаги и мраморные плиты с табличками казались неуместными среди белых колон, несущих голубой купол с жизнерадостными ангелами. Наблюдался явный диссонанс с ассортиментом скорби и печали. Почему щекастые мальчишки радостно дуют в медные трубы? Порфирий недовольно покосился на оживлённого гробовщика, от которого веяло легко узнаваемым духом мадеры из армянской чайной.

– Ну-с, голубчик, рассказывайте.

– О чём рассказывать-то? – ответил густым басом паромщик в царство смерти. Перебить обладателя столь редкого звука совершенно невозможно. То ли мешает строение слухового аппарата, то ли особенности натуры подобных Шаляпиных.

– Ты мне кисти не крути. Докладывай, куда покойника отвёз?

– Известно куды? На кладбище. Куды ещё? – бухнул гробовщик, мгновенно принявший вид мрачного Харона, ждущего очередного клиента у своей лодки. В данном случае на мраморной плите с чёрными розами из нефрита.

– А с Александровского вокзала?

– Туды же, куды ещё покойников возют?

– На кладбище что-ли?

– Ага. Кого к богу, а кого в рай, этого и вовсе не понял, куды надо. Суетный попался. Недавна тожа такую вёз. Как закричит в самый неподходящий момент. Всё благообразно, чинно, оркестер играет, и вдруг поднимается дура старая из гроба и давай голосить. Тьфу ты, прости господи! Весь ритуал испортила, – водитель сокрушённо покачал головой в чёрном засаленном цилиндре из шёлка. Потом шумно высморкался за плиту, с пониманием относясь к чистоте в «Некрополе».

– На какое кладбище отвёз? – Порфирия начала злить обстоятельность гробовщика.

– А какая разница? Все тама будем. Покойнику абсолютно без разницы куды положат, лишь бы не к иноверцам. Тама да, там совсем бедно. У них же что, у них даже гроба приличного нет, так прямо в ковриках и хоронют, без камфорта. А у нас гроб качественный, дажа очень какой. С колокольчиком, ежли по ошибке отпоют. Так-то. Есть, например, и...

Порфирий с силой продавил тростью сапог водителя, чтобы остановить рекламу «Некрополя». На что тот сначала недовольно уставился на сыщика, потом бесцеремонно вырвал неприятный предмет и положил под себя.

– Это зачем так-то. Так не надо, – выговорил обидчику.

Городовые кинулись, чтобы вразумить грубияна, но были остановлены Порфирием, понимавшим, что в противном случае, крепкий мужчина, явно страдающий аутизмом (судя по реакции), и вовсе замкнётся в котёл.

– Так ты и мусульман возишь?

– Теперь получается, что да. Креста на нём не видел. Хаша в вязанной фуфайке был, под горло. Но креста не заметил. Басурманин, это точно. А кто у нас на Казань ездит: только инородцы. Тока этот захотел непременно в гробу ехать, с форсом значить. Его барышня морфий купила. Не могут благородные без химии похороны сделать, всё им с вывертом подавай.

– Так ты что на Казанский вокзал гроб отвёз?

– А куда же ещё? Кладбище и есть, ежли паровозы убрать. Прямо в багажный вагон. Вот квитанция. Барыня так торопилась, что оставила. А без неё гроб кто отдаст-то, без квитанции? – Водитель протянул мятый клочок бумаги с номером поезда.

Колонна, отчаянно сигналив, помчалась. Городовые приготовились вязать преступников. Москвичи с проклятиями жались к стенам, прыгали в подворотни. Над мостовой таяли длинные лоскуты пара из котлов «Руссо-Балт». Развернувшись на Коломенской, выскочили к плат-

форме. Машинист, занятый управлением, не обратил внимания на отчаянные бой в сигнальный колокол. Издав долгий гудок, паровоз, провернув с усердием колёсами, потянул за собой послушные зелёные вагоны на восток, в Казанскую губернию.

Угольный дым, смешанный с клубами горячего пара, стал медленно оседать вдоль блестящих железнодорожных путей. Порфирий Францевич присел на чугунную скамейку, чтобы отдышаться. Открыл серебряный портсигар, подаренный благодарным ювелиром на День Святой Троицы и закурил папиросу «Дукать» от спички из коробки «Солнце». Сиреневая паутинка тлеющего табака потянулась вслед за перестуком колёс от уходящего в кадмий заката поезда.

Часть II Власть нитроглицерина!

*Если пропустить через ситечко белое и чёрное, то можно
быстро сочинить шагреновую кожу в пузырьщиках.*

Глава 7 Хромоногий беглец

Что бы делал маэстро без Серафимы, огненного ангела? Наверняка застрял в пыльном, провинциальном Армавире. Фима успешно исполняла роль помощницы и дестабилизирующего фактора одновременно. Неизвестно, что лучше: с одной стороны, он имел средства и двигался к цели, с другой – пришлось убить невинного человека. Сейчас, находясь в товарищеских отношениях с террористкой, Ленар не желал обнаруживать свою природу. Наоборот, ему хотелось ничем не выделяться, правда, это плохо удавалось, но он не оставлял надежд. В конечном счёте спонтанное желание погрузиться в мир людей исполнялось, хотя и в несколько комичном виде – в гробу.

«Площадь трёх вокзалов» встретила бесконечной суетой экипажей, забирающих и высаживающих будущих или бывших пассажиров, пьяных грузчиков, кричащих лоточников, воров и полицейских – в общем, крайне занятых своими делами граждан. Всюду слышался запах угольного дыма вместе паровозными гудками, зовущими в далёкие страны или просто на подмосковные дачи. Серафима попросила водителя сходить в аптеку за морфием для нервного покойника. Горожане поворачивали головы при виде скульптуры обнажённой нимфы, склонившейся в безутешной печали над витриной с усопшим. Уверенная, что проходим без интеса её особа, когда есть такой шедевр погребального искусства, что, впрочем, слегка нервировало, актриса постучала в крышку гроба.

– Приехали, – поинтересовался Ленар, выглядывая из вместилища скорби.

– Бегите уже! Водитель сейчас вернётся.

– Фима, вы хоть раз видели экспресс в гипсе?

В глазах Серафимы сверкнули мокрые ресницы благодарности.

– Ах, маэстро, это я должна была сломать ногу.

– Что вы, женские ноги я представляю в совсем другой хореографии. Уже спешу. Не подталкивайте, – остановил заботливую женщину, взявшуюся помогать. Актриса стиснула крепкими пальцами локоть, отчего маэстро сразу захотелось остаться в прозрачном катафалке назло всепогодным зевакам.

– Товарищ Ленар, вы меня волнуете!

– Буду ждать в отдельном купе с ананасами в шампанском. – Послав воздушный поцелуй, он быстро застучал гипсом по брусчатке в сторону Петербургского вокзала.

***

Порфирий Францевич ждал известий от агентов, посланных обыскать поезд на ближайшей станции. Немецкие KIENINGER неторопливо отстукивали минуты, бежали секундами. Следователь высыпал дорожку табака Virginia в машинку для набивки гильз Mascotte и нажал рычаг. Сделав душистую папиросу, с удовольствием прикурил от швейцарской спички. Не любил он всяких там новомодных изобретений в виде бензиновых зажигалок, которые, на его взгляд, ещё и дурно пахли. Хотя, надо заметить, и вспышка бертолетовой соли его раздражала, но это было меньшее из зол. Не огниво же с собой носить, в конце концов, подумал

сыщик. Дежурный чиновник негромко кашлянул, чтобы обратить внимание начальника, занятого папиросой.

– Докладывайте, – приказал, разгоняя ладонью в стороны сиреневый дым.

– Предмет ритуала пуст, внутри только крошки гипса.

– Так что, водитель катафалка нагло врал?

– Утверждает, что спрашивали про гроб, он и отвечал про гроб. На прямой вопрос о беглеце сказал, что видел, как тот скрылся в Петербургском вокзале. Барыню не стал беспокоить, решив, что постыдное бегство – это интимное дело между усопшим и родственницей.

– Преступник изобретательный и с железной волей! Редко кто сможет ходить с переломом без костылей. Придётся срочно лететь в Санкт-Петербург, иначе убежит наш иностранец. Распорядитесь насчёт вертолёта Юрьева.

– Изобретатель под следствием в Третьем Отделении. А других пилотов нет.

– Доставьте Левоневского – лётчик первого класса.

За долгую службу в полиции Порфирию приходилось сталкиваться с совершенно разными типами: иногда отчаянно глупыми, иногда хитрыми, умные тоже попадались, но вот чтобы с таким артистизмом! Ведь действует шельмец с размахом, ничуть не беспокоясь о последствиях. Зачем, вот зачем надо убивать промышленника Морозова, не мог просто забрать деньги? Определённо, здесь своя идея! Неужели из того, чтобы похвастаться феноменальной наглостью? Сколько самомнения у молодчика! Но перед кем хвалиться – перед Андреевой? Конечно, дамочка с фасоном и многим разбила сердце, а теперь уже и смерть имеет в альбоме. Но ей-то для чего все эти армавирские страсти? Увлелась? При её разборчивости и капризах это должен быть совершенно особенный господин. Теперь стоит ждать новых преступлений и можно утверждать со всей очевидностью, что кровавых и громких. Из каких космосов образуются подобные субъекты? На что только не толкает мужчин страсть к обладанию красивой женщиной. Но тут совсем другие петли, совсем другое дело – женщина влюбилась в демоническую личность. По словам больных Военного госпиталя, инородец, используя животный магнетизм, публично овладел разумом сестры милосердия. У Порфирия аж руки зачесались от желания увидеть закованного в кандалы гипнотизёра. С ним всякие-такие штуки не получатся! Видел молодчиков и поспособней хромого факира из Армавира!

***

Перелом, благодаря быстрой регенерации, давно зажил, но Ленар не мог отказать себе в удовольствии изображать страдания. Трогательная забота Фимы о его здоровье производила в районе сердца приятное покалывание, понуждая будировать спутницу глупыми вопросами:

– Фимочка, мне кажется, что трюк с покойником произвёл впечатление на Московский Сыск?

– Всё, конечно, ничего, но если мы будем с такой скоростью раскатывать на катафалках, то деньги быстро закончатся, и я вас покину, – предупредила Фима, сосредоточено пересчитывающая наличность из командирской сумки.

– И что останавливает сделать это немедленно?

– Не могу бросить раненого товарища. В организации обязательно осудят такой поступок.

– Достоинно, обязуюсь в Париже регулярно покупать кофе с зефирками. К делу, нам теперь сочинят мощные кордоны на всех станциях. Ну так вот, предлагаю захватить паровоз.

– Паровоз?! – оживилась Серафима, откладывая в сторону пачки ассигнаций.

При виде блеска в глазах актрисы героизм Ленара начал исторгать нервные лоскуты огня.

– А что такого? Очень даже запросто. Надеюсь, револьвер Левоневского исправен?

Фима проверила револьвер.

– Вполне.

– Ага, времени совсем в обрез. Идёмте. Начнёте осваивать новую профессию, эксклюзивную, должен заметить, – угонщица!

– А у меня получится, он такой большой? – с внезапным азартом, поинтересовалась Серафима, желая услышать комплимент.

– Ха, после дебюта в Армавире у вас получится абсолютно всё. Подножки делать освоили, с самолёта прыгали, дальше наука пойдёт на стероидах.

– А это что такое?

– Это когда сердце от химии пламенный мотор и машешь руками от счастья.

– Ого, а можно я сама ускорюсь! Не люблю, знаете ли химию.

– Да пожалуйста, важен результат. – Ленар закрыл купе и достал стилет. Фима, увидев оружие, спросила:

– Что за идеи?

– Выздоровливаю, – буркнул маэстро и, картинно скрипнув зубами, начал разрезать гипсовую повязку.

– Как же вы будете ходить со сломанной ногой? Восхищена мужеством!

– Фима, – мгновенно став серьёзным, ответил маэстро, – вы превратили Ленара в морфиниста. Ради похвалы из ваших уст готов ещё что-нибудь у себя сломать.

– Ой-ёй, не надо. Я тогда буду молчать.

– Ни в коем разе! Сжальтесь над несчастным, говорите что угодно, но говорите! – попросил маэстро, довольный произведённым эффектом.

Машинист издал длинный гудок, извещая о прибытии пассажирского состава на станцию Тосно. Ленар, чтобы отвлечь полицию, придумал взять на пари компанию либералов из соседнего купе. Затеял спор, в котором утверждал, что ежели один из них вздумает разгуливать по перрону, сильно хромя, то непременно его посадят в каталажку. Мол вышло распоряжение: убрать калек с Николаевской дороги, чтобы не портили иностранцам впечатление от России. Услышав подобный вздор, москвичи пришли в крайнее возбуждение и решили испытать станционного жандарма, надев шутки ради предложенный гипс. Спорили на ассигнации, Ленар свои тут же выдал, чтобы подогреть компанию, прильнувшую к окну в ожидании спектакля.

Оставив вагон, беглецы припустили вдоль состава к зелёному локомотиву С-68. Фима, изобразив графиню, предложила сделать ей экскурсию в кабине. Дамочке в английском кепи машинист не посмел отказать и напрасно: следом поднялся Ленар с армейским револьвером системы Нагана.

Единственный на станции жандарм, занятый изучением документов хромого господина, оставил без внимания незначительное происшествие у паровоза. Не добившись внятного ответа о происхождении увечья у подозрительного господина, схватил за грудки и принялся свистеть дворникам. Когда в пылу борьбы свалился гипс, то вовсе дал в глаз задержанному. Ретивого полицейского быстро взяли в кольцо возмущённые пассажиры, утверждавшие, что нет такого закона арестовывать человека с травмой конечности. Больше всего кричала либеральная компания, желавшая отбить товарища. Шумиха вокруг фальшивого гипса собрала порядочную толпу неравнодушных граждан, вовсе не понимавших предмета спора, но готовых немедленно защитить от произвола властей исключительно из принципа. Бунтарский дух общественности получил настоящий повод, чтобы объявить станционного жандарма душителем свободы.

Коллективные поиски правды в разломанном надвое гипсе, помогли Ленару без помехи отцепить состав. Издав протяжный гудок, как китайское извинение за вынужденное бегство, паровоз растаял в клубах пара. Вмиг смолкли крики пассажиров, растерянно взиравших на осиротевший поезд с весёлыми искрами из кухни вагона-ресторана. Жандарм, по привычке достав свисток, тут же убрал, чтобы не злить ещё больше возбуждённую публику.

Серафима с пылом убеждённого борца за права трудового народа доказала железнодорожникам необходимость экспроприации транспорта. Машинист под дулом револьвера быстро проникся революционным духом. Надвинув на глаза железнодорожную фуражку, чтобы не выдать переполненный лозунгами пролетарский характер, спросил:

– Куда?

– Товарищ, идёмте в Ревель, оттуда надёжные люди помогут бежать в Париж, –скомандовала Серафима, располагаясь у окна, из которого ветер выгодно развеивал пышные волосы, уподобляя её валькирии французской революции. «Эх, жалко, что фотографа нет!» – подумала молодая женщина, но позу оставила, наслаждаясь производимым на мужчин эффектом.

Химия грядущих перемен начала кипятить кровь в сердечном насосе маэстро. Воображение захватил горячий ветер будущих пожаров в дворцах аристократов. Человек существо социальное, а значит, подвержено настроениям общества. Война, диктатура, безнаказанность. «До основанья мы разрушим, а затем». На стыке рельс трянуло так, что он прикусил язык. От вкуса крови во рту тут же стало не по себе. Ленар прислонился головой к пахнувшей углём стене паровоза. «Чтобы я и приобщиться! Чур меня дважды в лоб железным чайником!» – мысленно обругал себя.

Другое дело Серафима – молоденькая барышня, дитя времени с обострённым чувством справедливости. Для неё игра в заговорщиков, участие в клубе террористов стали уникальной возможностью отказаться от прежней жизни. С юношеской категоричностью актриса делила мир на плохих и хороших людей, вовсе не принимая в голову последствий такой грубой фильтрации. Очень часто впечатлительные натуры становятся заложниками новых идей в силу чрезвычайной зависимости от мнения окружающих. Можно ли их в этом винить или времена не выбирают? И почему, желая сделать мир лучше, они так увлекаются фантомами, что не видят настоящих результатов своего героизма?

В Гатчине станция оказалась забитой составами с войсками, идущими на запад. Хорошо знакомое ощущение грядущих перемен висело в атмосфере, словно треск электричества в проводах высоковольтных линий. Солдаты с пневматическими винтовками Жиффара, увешенные подсумками и запасными резервуарами со сжатым воздухом, деланно смеялись пустым вещам, пряча за громким хохотом страх перед неизвестностью. Она поджидала их где-то там впереди, там, откуда шли, оглашая окрестности тревожными гудками, санитарные поезда. Вместе с клубами пара и угольного дыма вокзал за ночь пропитался хлоркой и липким запахом от грязных тюков с окровавленными бинтами, оставленными в беспорядке у шпал, пропитанных креозотом.

– Что случилось? – спросил Ленар пробежавшего мимо солдата с дымящейся водой в котелке.

– Война с германцем!

– А раненые откуда?

– Фон Гинденбург разбил Самсонова. Всю ночь санитарные стучат домой. За братков сербов согласен, но вот зачем французов спасать? Убей не пойму!

– Не переживай, туда тебя и везут – понималку делать!

– И не говори, барин.

– А чё Самсонов забыл в Париже?

– На выручку двинул: фрицев оттянуть, а оне газы пустили.

– Вона как! Ну мы как всегда, со всей душой и в немецкую пивную.

– Эд точно. – Солдат сокрушённо махнул рукой и намерился бежать дальше.

– Подожди, – остановил Ленар. – Так, что Париж захвачен?

– Что вы, барин, совсем нет. Офицеры говорят: немец теперь повернул к нам с гостинцами. Извиняйте, мне к идтиту надо, кипяток стынет.

Солдат исчез среди одинаковых серых шинелей, заполнивших перрон. Не имея возможности двигаться вперёд, беглецы отправились в ресторан. Зная, что локомотив ищут, Ленар решил не дожидаться идиотских вопросов: зачем понадобилось угонять паровоз? Ну, действительно, для чего беглецам паровоз? Взамен скучных полицейских, он предпочёл общество революционной актрисы. Вокзальные рестораны в любом уголке системы Солнца похожи. Надо иметь невероятной крепости желудок, чтобы не получить расстройство от фирменных блюд в подобных заведениях. Ведь знают циничные сволочи, что пассажир, если зашёл к ним, априори готов к изнасилованию пищеварительной системы несвежими лобстерами. А где, извините, водятся лобстеры, и где вокзал? Правильно – в Африке, тогда какие вопросы к повару?

Желая восстановить нарушенную гармонию в организме, маэстро попросил Серафиму читать газету. Патриотически настроенные репортёры убеждали в почти мгновенной победе над «Тройственным союзом». Можно было, конечно, двинуться и вперёд, но перспектива бегать от кайзеровских снарядов показалась излишне радикальной. Прежде всего, беспокоили планы МУСа. Ленару вовсе не хотелось обсуждать подробности убийства фабриканта Морозова с полицией. Фатальное стечение обстоятельств разве можно предложить следователям для оправдания? Нет, конечно! А значит, не о чём с ними разговаривать. Пока придумывал способ, как безопасно пересечь границу, впечатлительная Серафима, начитавшись патриотических лозунгов, изготовилась отправиться сестрой милосердия на фронт.

– Фимочка, я целиком у вашего балкона. Родина в опасности, готов стать донором. Поверьте, не успеете одеть белый фартук, как придут люди в красных погонах и прощай свобода. Ваш патриотизм им без разницы. Только научитесь вонзать иголки в деликатные места, а уже надо строчить тюремные робы. Нет, вы это прекращайте. У нас свои стрелы в тетрадах.

– Мне кажется, сначала надо защитить славянских братьев, а затем строить новый мир! В судьбоносные для отечества времена требуется отбросить политические разногласия ради общей победы! – начала петь девизы актриса.

– И какая вы после этого революционерка? Сейчас самое время отверзть переполненный сосуд народного гнева. Иначе никак не свалить самодержавие. Все эти взрывы чиновников совсем пустое дело, когда такое живодёрство намечается, массовое и максимально кровавое.

– А если германцы захватят родину?

– И что? Подавятся, как обычно. У них челюсти не имеют столько вариантов! Поверьте, я уже видел ваш кинематограф. Треск киноплёнки и никакого впечатления. Вы меня удивляете, всё-таки буржуазный конфитюр напрочь развел сентиментальные женские мозги.

– Опять вы про свой конфитюр? Это ведь жидкое варенье! – обиделась Фима за всех женщин Земли сразу.

– Вот именно, Фимочка, не разочаровывайте меня иностранным сиропом. Вам придётся сделать над собой усилие и научиться бороться с пагубным для дела революции чистоплутством. Сопли интеллигентности надобно с презрением исторгать в лицо оппонента, а не стыдливо размазывать под столом, – Ленара передёрнуло от собственной метафоры. Ему хотелось продемонстрировать рафинированной дамочке всю театральность её борьбы.

Конечно, от фиглярства далеко не уйдёшь, когда играешь на публику, но здесь совсем не театр! Здесь люди, живые люди. Это не пьеса, здесь настоящая жизнь, а не сцена с фанерными декорациями в масляных красках. Простой гражданин не хочет радоваться откровенному насилию во имя светлого завтра, ему сейчас надобно есть котлеты с луком! Господа революционеры не испытывают жалости к обывателю, мирно жуящего макароны времени! Этот абстрактно взятый среднестатистический человек ни сном, ни духом не знает и не подозревает о своём убогом существовании. А расскажи ему о чужом счастье? Он ринется вдоль улицы с рёвом обезумевшей коровы, сбивая чугунки с покосившихся заборов.

– Так, Серафима, нас ждут великие дела! А именно: вы оказались совершенно правы, надо обратиться к старшим товарищам. Без помощи, боюсь, нам не выбраться из страны. О ком

тогда будут читать потомки в учебниках истории? Хотелось бы, чтобы о великих устремлениях борцов с капитализмом.

***

Если честно, то Серафима не знала, что как себя вести с иностранцем. Ей хотелось вернуть прежнее душевное равновесие, которое подвергалось весьма неприятному воздействию. Она, как всякое человеческое существо, вкусившее внимание толпы, изголодалась по аплодисментам и крикам ободрения. Актриса испытывала нужду в публике, она готова жить в съёмных квартирах, но совсем не хотела исполнять роль пустой и манерной дамочки. Тогда такая революция ей совсем не нужна, тогда это уже не революция, а бестолковость какая-то, пустая и никчёмная. Прими нравилось эпатировать окружающих образом хрупкой женщины, способной на отчаянный поступок. В обмен за свою решительность Серафима хотела совсем чуть-чуть – всеобщей любви, чтобы ей восхищались. Разве это так много? Разве она этого не заслужила тем, что думает о своих поклонниках, что готова рисковать ради них? А этому непонятному Ленару нужно совсем не то, к чему стремятся обычные мужчины. Он, видите ли, хочет во что бы то ни стало попасть в Париж. Что за глупость такая! Это вульгарно в конце концов!

– Деньги придётся сдать в партийную кассу, – внезапно заявила Фима категоричным тоном, – а половины суммы уже нет. Что я скажу товарищу Савенкову? Он может обвинить в расточительности, в воровстве, наконец! Меня специально внедрили к Морозову для экса. Нам это так просто с рук не сойдёт!

Новость удивила Ленара и не сразу нашёлся, чем ответить на очевидную несправедливость. Благодаря своей инициативе, деньги как раз-таки упустила Серафима, но, как это часто бывает, женщина спешит найти виноватого, напрочь забывая о своих фикусах. Впрочем, не возьмись она меняться, то и вовсе могли остаться без средств. В любом случае, говорить сейчас об этом не имело никакого смысла.

– Как у вас всё строго. А дарёному коню?

– У нас смотрят! Профукали, а товарищи ждали значительную сумму. Намечается крупный теракт.

– И где этот ваш Савенков ночует? – уже успокоившись, решил разведать обстановку маэстро.

– В столице, где же ещё.

– Ага, ну это совсем рядом, и мы тут, всех в мясо! – разозлился маэстро, понимая, что ввязывается в очередную авантюру.

– Товарищ Ленар, что-то мне настроение ваше не нравится. Вы сомневаетесь в действенности тотального террора? Откуда такой сарказм?

– Что вы, как раз, напротив, целиком и полностью поддерживаю. Революция требует исключительных средств: «...пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти», – писал Ульянов.

– Ульянов этого не говорил.

– И что с того? Подождите, ещё скажет, здесь наши взгляды полностью совпадают. Имперских чиновников надо расстреливать без суда и жалости, чтобы не путались под ногами прогрессивного человечества.

– Всё, идёте в «Иллюзион» – Фима отставила несвежий бисквит и поднялась.

– Пешком?

– Зачем? От дворца проложена вполне комфортная монорельсовая дорога Романова.

– Императора?

– Что вы себе такое придумали, конечно, инженера из Тбилиси! Двигайтесь. Тут совсем ничего.

Действительно, за Кирасирскими казармами начались металлические фермы, между которых висела алюминиевая кабина в заклёпках, напоминавшая раздутый челнок с пропеллерами на концах. В салоне у квадратных окон стояли обтянутые кожей сиденья. На уровне ног проходила решётка из литой бронзы, от солнца висели шёлковые шторы кремовой расцветки.

– Шикарно! – невольно воскликнул Ленар, погрузившись в мягкое кресло. – И давно здесь такие скорости?

– Совсем отстали на своих болотах. Монорельсы проложены даже на острова.

– Очевидное и невероятное. Жюль Верн должен завидовать местным пейзажам!

– А кто это? Француз?

– Кхмерский писатель. Про будущее писал.

– Кхмерский? Господин Ленар, здесь уже всё придумано. О чём таком можно мечтать?

Понятно, что писатель из Индонезии! – шумно вздохнув, Фима вонзила в розетку штепсель от телефона и продиктовала автоответчику: – «Иллюзион», сообщение для Крамера. Нужна встреча. Буду через час. Нора.

– Нора? За что вас так? – удивился маэстро.

– Азеф придумал для конспирации.

– Фимочка, вы с таким милым очарованием снесли мне голову: и огненный ангел, и вестник смерти. Это совсем гремучая смесь – Серафима и Нора!

– Опять льстите?

– Нет, вру, но с удовольствием. – Ленар изобразил предельно честное лицо. Актриса погрозила указательным пальчиком в кружевной митенке.

– Ага, значит, всё же обманываете.

– Рядом с вами любой сделается филигранным лжецом.

– Вот только не надо меня записывать в провокаторы.

– Во всяком случае, вы такая порочно-притягательная, что готов совершать революции одну за другой лишь бы иметь счастье наслаждаться вашим темпераментом.

Заревели пропеллеры и пейзаж за окном превратился в зелёную ленту. После лёгкой музыки из квадратного динамика начальник Московского Сыска сообщил о розыске опасных преступников, виновных в крушении самолёта «Максим Горький». На что Ленар заметил:

– Серафима, наша популярность растёт, сам Порфирий Кошко включился в погоню. Предлагаю организовать пресс-конференцию.

– А что это такое – пресс-конференция?

– Совсем замечательная вещь. Расскажем правду о наших злоключениях, как всё было. Возбудим мозговую активность у неравнодушной публики.

– А как же Париж с круассанами? – расстроилась Фима.

– Так там всё и сделаем. В Петербурге арестуют раньше, чем приедут нарвалы пера и «Лейки».

– Надо согласовать с товарищами.

– В обязательном порядке. Пора выходить на международный уровень. Да-с, – Ленар заложил руку за отворот кожаной лётной куртки и посмотрел на скачущие вдаль телеграфные столбы, захотелось встать и принять соответствующую позу, но качающийся пол не внушал доверия.

– Товарищ Ленар, от вас веет космическим холодом.

– Сам в изумлении. Есть подозрение, что в меня вселился печальный демон, дух изгнанья. Чувствую в себе огонь томленья и страсти.

– А без пошлого романтизма. Я не Тамара, можем просто переспать. Любовь – это буржуазный пережиток. Готова отжаться без кривляний.

– Здесь тоже будем спрашивать товарищей?

– Не утрируйте, пожалуйста. Обойдёмся без помощников. – Серафима пронзила мозг космического демона томным взглядом, отчего у искусителя образовалось лишнее давление во всём организме.

Маэстро начал проникаться тёплым, почти горячим чувством к своей спутнице. Жизненные ценности у них отличались, даже более того – гуляли в разных ботинках на разных берегах. Однако, маэстро нравилось общество целеустремлённой женщины, способной разрушить до основания мир, который ничего ей плохого не сделал, напротив, позволил состояться, как актрисе. Человек такое существо, что ему всегда хочется испортить себе жизнь для большего впечатления. Вдруг можно шагнуть в тёмную подворотню с огоньками и там совсем никого не будет, ну вот совсем никого. Сейчас именно это чувство беспечности, граничащее с безрассудством, могло объяснить смятение, поселившееся в душе маэстро. Разгадка находилась рядом, но он не мог её прочитать. Не хватало последней подсказки, последнего факта. Требовался крепкий удар по затылку, чтобы взбудрить нейронные цепи. Что-то ему подсказывало, что он принимает участие в чужой игре с завязанными глазами.

Глава 8 Синематограф «Иллюзион»

Намазанный чёрным бриолином злодей с обведёнными тушью глазами занёс кинжал над обманутой жертвой, тапёр, пыхнув папиросой, выбил заключительные аккорды, впечатлительные дамочки упали без чувств. В кинотеатре зажгли свет, возбуждённая иллюзиями публика начала расходиться, деликатно вонзая жёсткие пальцы с обкусанными ногтями в спины медлительных соседей.

Ленар, с недоумением оглядев пустые кресла, развёл руками:

– А где наш Питер Пен⁸?

– Отчего же сразу Питер Пен? – Из ближайших портьер стремительно вышел невысокий господин в модном котелке, из-под которого торчали небольшие крепкие уши. На Ленара уставились близко посаженные глаза настырного романтика, готового к мгновенному суициду в казематах врага.

– Вожак мальцов-сорванцов! Герой эпосов и народных сказок страны Танзания, — маэстро решил пикировать самоуверенного эсера. Господин, подкрутив левый ус, обратился к Серафиме:

– Позвольте узнать, вы где подобрали этого субъекта?

– На дороге под Армавиром, товарищ Савенков.

Оставаясь в котелке, вожак мальцов-сорванцов принялся детально изучать борозды жизни на лице маэстро. Наконец заключил:

– Это многое объясняет.

Ленар с неприязнью относился к типам, готовым обсуждать оппонента в третьем лице. Но если подобные манеры обычно указывали на провинциальность, то в Савенкове наблюдалось пренебрежение к людям вообще. Подобное свойство характерно для личностей, ищущих любой повод, чтобы заявить о себе, чтобы их заметили. Им в детстве, как правило, родители уделяют мало внимания, откупаясь подарками вместо доверительной беседы или жалкой, пусть крайне короткой сказки на ночь. Раненые безразличием, они постоянно испытывают зависть к одноклассникам, ревниво замечая незначительные детали, указывающие на ненавистную заботу о крепком, розовощёком мальчике или чахлом прыщавом холерике, но заботу. Им больно слышать слова ободрения, доносившиеся издалека, сказанные не для них. Обязательное чувство незащищённости, поселившееся в хрупкой душе такого ребёнка, требует потом навсегда запоздалой оплаты, и совсем не важно в какой форме. Главное – возврат долгов, и непременно с процентами!

– Что же?

– По крайней мере, увлечение пьесами для детей.

– С кровавым концом должен заметить! Всё, победили, сразу и навечно. Интеллектом, — отомстил маэстро настырному головастику.

– Зачем вы здесь? – Савенков подошёл вплотную. – Неужели из-за Серафимы? Впрочем, я вас понимаю, — он сделал лёгкий поклон актрисе и закрутил второй ус.

– А если вы мне нужны, вот как гора Килиманджаро⁹, — Ленар показал на люстру из хрусталя под потолком кинозала, — континенту Африка? – Ему стало интересно насколько развит террорист, сможет ли провести параллель между собой и единственным Эверестом чёрного континента. Вспомнилась статья из «Британники»¹⁰ с юношеской фотографией щуплого моло-

⁸ **Питер Пен** – персонаж сказочных повестей шотландского писателя сэра Дж. М. Барри.

⁹ **Килиманджаро** – высочайший вулкан Африки, находящийся в Танзании. С 1902 по 1918 назывался Вершина Кайзера Вильгельма.

¹⁰ «**Британская энциклопедия**» – старейшая англоязычная энциклопедия.

дого человека, который учил чужих детей не есть мясо, оттого что дурно убивать животных. Дети искренне верили и прятали за обедом котлеты в салфетки. Начинаящий террорист покидал знакомых с чувством нравственного превосходства над диетой бесчеловечных обывателей.

– Могу уверить, что не поклонник талантов Петерса¹¹, – с лёгкостью парировавший укол маэстро Савенков.

«Ого! Да этот мерзавец ещё и образован. Впрочем, о чём это я? О кровавой бойне в Танзании во всех газетах писали», – отметил про себя Ленар и возразил:

– Напрасно, я, например, верю в прогресс человечества. Нельзя до бесконечности пользоваться ночным горшком.

– Лев Толстой этим гордился.

– Ага, значит, признаёте факт исторгания нечистот из гениев?

– Фу, вы о биологии?

– Вот только не надо меня сравнивать с любителями фарфоровых слоников.

– Задевает? – сморщил уголки глаз террорист.

– Очень. А чем вам Килиманджаро насолил?

– Большой вулкан, а пользы ноль, – Савенков постучал папиросой о профиль Фридриха Ницше на крышке портсигара. – Опять же колония. Не понимаю, зачем тевтонцам негры. С их прямолинейностью и в плантаторы. Им, извините, никогда не хватало английской жадности.

– О как! Тогда о материи. Чем могу способствовать делу революции?

Борис с удовольствием закурил от бензиновой зажигалки Ronson Vanjo, глубоко затянувшись, отчего папироса сгорела чуть не до середины, выпустил в потолок струю дыма и спросил:

– Есть желание или погулять собрались?

– Научный интерес, но пламенный до невозможности. В Париж надобно к сроку, а на хвосте Московский Сыск.

---

¹¹ Карл Петерс (1856 – 1918) – германский государственный и общественный деятель, колонизатор Африки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.